

НОВОЕ ВРЕМЯ

Казачи
между
Гитлером
и Сталиным

45

ноябрь 1992

Время съезда ИЗМЕНИТЬ НЕЛЬЗЯ

Индекс 70621
ISSN 0137 - 0723

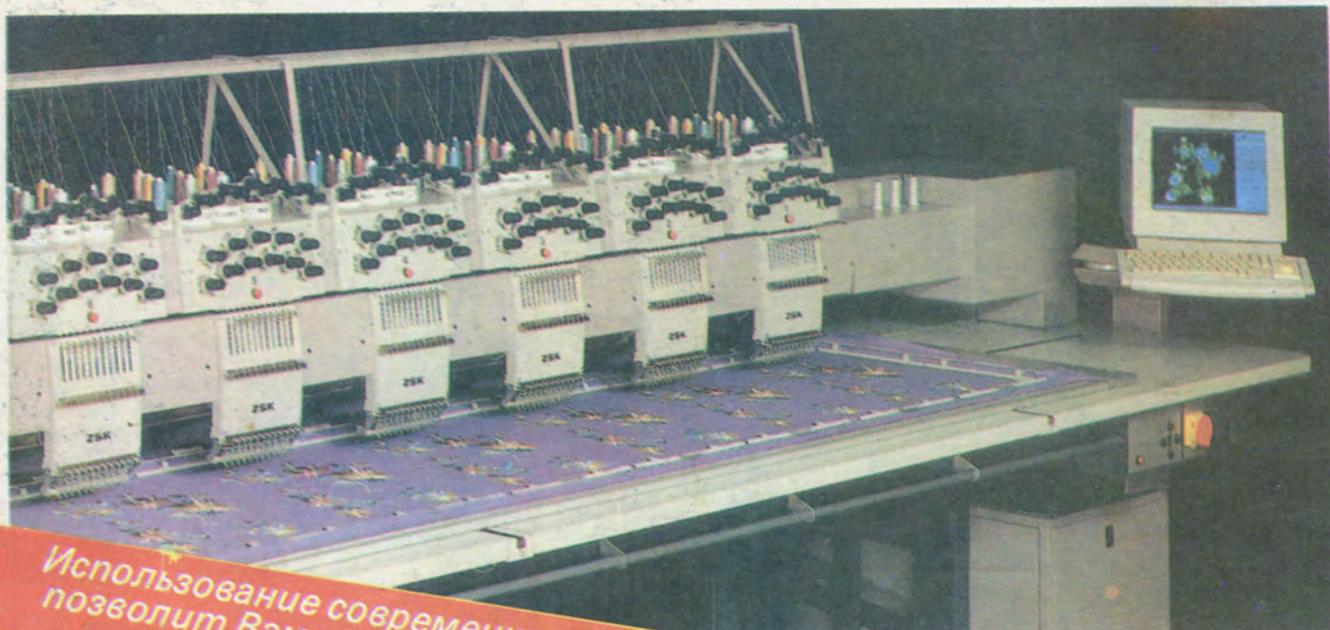
ТЕХНИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

Акционерного общества «Завод средств автоматики»
и фирмы Дипл. инж. «Stefan Landau» (Австрия) представляет

ВЫШИВАЛЬНЫЕ МАШИНЫ

с компьютерным управлением немецкой фирмы "ZSK"

Использование современного дизайна
позволит Вам выпускать продукцию
мирового класса

Эта техника поможет изготовить рисунки, бордюры, узоры, обрабатывать алфавиты, символы, окантовки; имеет специальное устройство для ажурной, петлевой вышивки, прокладки шнура и вышивания блестками.

Технический центр выполняет следующие работы:

- продает вышивальные автоматы, системы программирования, запасные части и вспомогательное оборудование к ним;
- гарантийный ремонт оборудования в течение 12 месяцев с даты пуска в эксплуатацию;

— заключает договоры на:

- послегарантийный ремонт,
- ввод в эксплуатацию,
- техническое обслуживание,
- работы по программному обеспечению,
- обучение ремонтного и эксплуатационного персонала приемам работ как в Техническом центре, так и у заказчика.

Если Вы заинтересованы в сотрудничестве с нами,
обращайтесь по адресу:

141006, г. Мытищи Московской области,
Олимпийский проспект, 38,
Технический центр АО «Завод средств автоматики».
Тел.: (095) 583-3231. Факс: (095) 583-3241.

Читайте в этом номере:**В РОССИИ И РЯДОМ**

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ <i>М. Шакина</i> ЗА ПЯТЬ МИНУТ ДО «ЧАСА ПИК»	4
АРМИЯ <i>Д. Тренин</i> КАНДИДАТОВ В БОНАПАРТЫ НЕТ	8
РАССЛЕДОВАНИЕ «НВ» <i>Л. Безыменский</i> САМЫЙ СЕКРЕТНЫЙ СЕКРЕТ СЕКРЕТАРЕЙ	10
ЭСТОНИЯ <i>М. Левин</i> ПРЕЗИДЕНТ ДЛЯ ЭСТОНИИ ИЛИ ПРЕЗИДЕНТ ДЛЯ ЭСТОНЦЕВ?	13
МОЛДОВА <i>Г. Ковальская</i> ПРАВ ЛИ ПРАВЫЙ БЕРЕГ?	16
ЭКОНОМИКА <i>Н. Плехина</i> КРУГООБОРОТ ВАЛЮТЫ В ПРИРОДЕ	18

МИР

БАЛКАНЫ <i>Г. Сысоев</i> СЕРБСКИЙ ВОПРОС	22
ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ <i>Е. Русаков</i> ГЛОБАЛЬНАЯ ИГРА НА ПОСТИМПЕРСКОЙ СЦЕНЕ	24
ПЕРСИДСКИЙ ЗАЛИВ <i>А. Шумилин</i> ОСТРОВА РАЗДОРОВ	27

ТРЕТЬЯ КОРЗИНА

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ <i>Г. Баутдинов</i> КАЗАКИ В ИТАЛИИ	28
НРАВЫ <i>В. Басков</i> КАДРЫ РОССИИ	32
ТЕРРОРИЗМ <i>Л. Млечин</i> КРЫСЫ НА ЧЕРДАКЕ (продолжение)	35
СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «НОВОГО ВРЕМЕНИ»	
<i>У. Лакер</i> ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО МЕНЬШЕВИКАМ	38
РУКОПИСИ НЕ ГОРЯТ <i>К. Шмитт</i> «НАШИ» И «ВАШИ»	41
ЖЕНСКАЯ ЛОГИКА <i>Т. Иванова</i> МЛАДАЯ ЖИЗНЬ ИГРАЕТ, ГДЕ ПОЛОЖЕНО	46
СМЕХ СКВОЗЬ СЛЕЗЫ <i>В. Ланчиков</i> «СЕНОНИМЫ»	48
ПОЧТА (2), ЛИЦА (44)	

Очередного съезда избежать нельзя, как и припадка малярии. Все равно несколько недель страну будет трысти. Да еще можем остаться и без правительства

Стр. 4

Хранить в закрытом пакете.
Указание зав. Общим отделом
ЦК КПСС тов. Болдина З.И.
Без разрешения заведующего
пакет не вскрывать

Уничтожить опасную бумагу политбюро боялось даже больше, чем рассказать правду. Поэтому в Кремле все-таки нашлись секретные протоколы о разделе Европы между Гитлером и Сталиным

Стр. 10

Откуда в России берется валюта и куда она девается. Кто ее зарабатывает и кто ее тратит

Стр. 18

Главный редактор

Александр
ПУМПИАНСКИЙ

Редколлегия:

Виталий **ГАНЮШКИН**,
первый заместитель
главного редактора,

Сергей **ГОЛЯКОВ**,
Лев **ЕЛИН**,

Виталий **ИГНАТЕНКО**,

Леонид **МЛЕЧИН**,
заместитель главного
редактора,

Павел **САМАРЧЯН**,
ответственный секретарь,

Галина **СИДОРОВА**,

Марина **ШАКИНА**

Сергей **ДУБОВ**,
президент а/о «Издательский дом
«Новое время»

**Собственные
корреспонденты
журнала работают:**

в Белграде, Берлине, Бонне,
Бухаресте, Варшаве, Вене, Дели,
Лондоне, Мадриде, Мехико,
Праге, Претории, Нью-Йорке,
Риме, Сеуле, Стокгольме, Токио

**Учредитель –
журналистский коллектив
«Нового времени»**

Выходит на русском и
английском языках

**Наш адрес: 103782, ГСП,
Москва, К-6, Пушкинская пл.
Тел. 229-88-72, 209-07-67
Телексы: 411164a newt SU,
411164b newt SU
Телефаксы: 200-42-23;
200-41-92**

Отпечатано в ИПК
«Московская правда».
Москва, ул. 1905 года, д. 7.

**Регистрационное
свидетельство №970.
Тираж 100000.
Заказ №4461.**

**Цена по подписке – 59 коп.,
в розницу – 2 руб.**

© «Новое время»

ПОЧТА

■ Стоявший в явной оппозиции к большевистской власти Киса Воробьянинов, как известно, не любил тещу. Отлученные августом от кормушек партийно-комсомольские львы и примкнувшие к ним рвущиеся к власти патр-р-риоты, сплотившись в краснознаменный имени Александра Невзорова ансамбль, предадут анафеме свою «тещу». К чести предводителя дворянства, он, в отличие от новоявленных «гигантов мысли», свои личные антипатии не выдавал за мнение народное.

Весьма прискорбно видеть в рядах тех, кто готовит очередную «красную свадьбу», моего не вышедшего в нomenclатуру тезку, собрата по Суворовскому училищу, не состоявшегося, по счастью, генерала – Юрия Владова. Самого интеллектуального тяжелоатлета. Автора более глубоких, чем у Пикуля, компиляций на историческую тему. Но гоже ли ему, в свое время властями оплеванному, гэбистами преследуемому, подпевать се-

годня кагэбшному генералу Стерлигову и литературному полковнику Бондареву? Да при этом выдавать свои песни-плачи за голос всего народа? Моя семья, например, таких полномочий тяжелоатлету не давала. Все мы – рядовые на казенном пайке. Я «химичу» в НИИ, зарабатываю меньше, чем супруга, сидящая на мели, красиво именуемой «заслуженным отдыхом». Дочь – вузовский преподаватель, зять – госбюджетный экономист. Слов нет, жизнь с 1980 года становится все тяжелее и тяжелее, а реформы Ельцина облегчили наш и без того тощий кошелек. Но заверяем всех непрошенных адвокатов: не голодаем и не рвем на себе волосы. И упаси боже повернуть вспять – вот тогда уж точно надо будет брать гробы напрокат!

Юрий Мурашов
Владимир

■ Я был приятно удивлен, когда получил № 40 «Нового времени» и прочитал публикацию Т.Ивановой «Вельские новости». Очень рад,

что пригодился мой архивный материал. С опозданием поздравляю редакцию с православным христианским праздником Покрова Пресвятой Богородицы и желаю доброго здоровья и благополучия на долгие годы. Да хранит Вас Бог!

Н.М.Шуленов
Вельск

■ «Новое время» – единственное издание, которое мы еще продолжаем получать и читать. Надеемся на это и в будущем году. Просим сообщить, сколько это будет стоить. Согласны на любые условия. Спасибо за то, что вы есть.

Валерий и Татьяна Бурак
Мариуполь

■ Хотя бы прочитайте мое письмо – напечатать все равно побоитесь.

Прочитал материал «Амнистия» и, хотя по натуре не злой, выбросил этот номер и обозвал вас приспособленцами. Вы просто играете в демократию и права человека. Сотни тысяч людей России прошли через то, через что прошел я – через лагерь

Три делегата от трех мешков

■ Небольшое индивидуальное социологическое исследование, проведенное на днях автором этих строк, убедительно показало, что подавляющее большинство моих коллег (а почти все они ранее состояли в «руководящей и направляющей») если не оставили незамеченным недавнее сообщение средств массовой информации о факте проведения 20-й конференции КПСС, то не вполне уверенно могли сказать, кто проводил эту конференцию, кого она представляла и каковы ее итоги. Тем более что летом точно так же промелькнуло сообщение о точно такой же конференции, а затем проведении инициативным комитетом во главе с ранее мало кому известным С.Скворцовым XXIX съезда КПСС. Этот съезд был назван известными функционерами прежней партии «съездом самозванцев», а новая явленная КПСС получила от журналистов название «коммунистическая партия Сережи Скворцова». Известны еще и объявленные чуть раньше ВКПБ Нины Андреевой, анпиловско-толькинская РКРП, СПТ Р.Медведева и что-то там еще, и все заявляют только о своем правопреемстве прежней КПСС. Как теперь и новый оргкомитет во главе с членом прежнего ЦК К.Николаевым. Не перебор ли?

Особенно забавно слышать, как без тени сомнений новые, как и прежние, партийные лидеры утверждают, что именно они представ-

ляют интересы «миллионов коммунистов», а стало быть, и всего народа. Очень было бы интересно уточнить, что же это за миллионы, где они скрываются? Конечно, в Москве на виду не очень многочисленные группы товарищей, стоящие на нелегкой вахте у мавзолея либо штурмующие телецентр. Но ведь явно имеются в виду не только они, но и партийная периферия. А значит, и наш небольшой подмосковный город, в парторганизациях которого насчитывалось совсем недавно свыше трех тысяч человек. Как быть с их «интересами»?

Естественным было адресовать этот вопрос бывшему секретарю горкома, а ныне моему коллеге по институту. От него я узнал, что в городе есть самостоятельное объединение коммунистов в один-два десятка человек, которые периодически проводят свои собрания где-то в жэке, но не очень-то афишируют свою деятельность. Трудные условия жизни населения в эпоху реформирования экономики дают, безусловно, достаточную пищу для острых «партийных» обсуждений, в которых коммунисты нещадно критикуют Ельцина и Гайдара. Впрочем, эта тема сейчас присутствует повсеместно, и ничего предосудительного в такой критике нет, напротив – она естественна для свободного от идеологического принуждения общества. Но это обстоятельство не мешает коммунистам надежду на улучшение жизни

За что настоящий патриот не любит свою «тещу»?

Нищий, но честный рецидивист отказывается от ваучера

Скучно на партийном фронте, господа

и тюрьмы. Мне 41 год, из них 22 года отсидел, осталось 8. Приезжайте к нам, посмотрите, в каких условиях мы отбываем свои сроки, — тогда и узнаете, кто придет к вам после амнистии из зоны. Дают огромные сроки, унижают, издеваются, а потом говорят, что «страну захлестнула волна преступности». Недавно нам объявили, что и заключенным дадут ваучеры стоимостью в 10 тысяч. Лично мне подачек не надо — всю

жизнь был нищим, но честным.

Николай Пивень
Пермская область

■ Хочу поздравить Т. Иванову с «неожиданным» (ой ли!) и «прекрасным поворотом судьбы» — преподаванием в платном гуманитарном университете. Просто умиляю ее восторги неограниченными финансовыми возможностями бывших офицеров, инженеров, «физиков и лириков», которые способны выложить десятки тысяч рублей за обучение своего чада. Постоянно воспевая предприимчивость, Иванова не задается вопросом: а откуда берутся товары во всех этих «магазинишках,

магазинчиках, ларьках»? Не надо быть экономистом, чтобы понять: в государстве, где катастрофически падает производство, обогащение одних может быть только за счет столь же катастрофически нищающих других. А куда деваться тем, кто в силу своего воспитания, мировоззрения органически не способен заниматься откровенной спекуляцией?

Юрий Лившиц,
капитан II ранга запаса
Калининградская область

■ Предлагаю праздник. Новый и вместе с тем как бы давно уже стихийно существующий. Праздник для всех и для каждого, посвященный не исторической дате, а жизни собственного сердца, состоянию собственной души, ума и тела. Это может быть, например, первое воскресенье любого месяца. А праздновать надо так: побывать там, где сердце твое испытывает состояние наибольшего комфорта, где душа наполняется добром и светом. Наверняка, этот день наполнится добрыми встречами с добрыми людьми.

Желаю каждой личности величия, свободы ума и сердца — и, конечно, не только в обозначенный день!

Тарас Чолый
Ленинградская область

Подборку подготовила
Т. Чернова

Рисунок Евгения Стародубцева

связывать прежде всего с возвращением старых порядков.

А что остальные члены городской парторганизации? Они, похоже, исчезли без следа. Хотя нет, вот остались у экс-секретаря три мешка с архивными партдокументами (учетные карточки, партбилеты, кандидатские карточки). Городская администрация, которой надлежало распорядиться в соответствии с указом о прекращении деятельности КПССовских структур и партийным имуществом, и архивом, проявила интерес только к имуществу (мебель, телевизор), а документы так и остались неприкасаемыми. Их могли бы разобрать по принадлежности сами члены КПСС, но для подавляющего большинства из них противно, по-видимому, малейшее напоминание о своей прежней партийной принадлежности. Кстати, это обстоятельство, на мой взгляд, — лучшее доказательство ненужности и обреченности КПСС. Три мешка никому не нужных именных документов — кто бы взялся свезти их в Конституционный суд?

И уж совсем поразил меня тот факт, что на конференции, упомянутой выше, присутствовала целая делегация (3 человека) от нашего города. Это — солидная и явно непропорциональная часть от 3 сотен делегатов от «всей КПСС из 13 республик» («Правда», 13.10.92). Как же тогда формировался весь делегатский корпус?

Помнится, на «настоящую» XIX партконференцию в 1988 году были проведены первые альтернативные выборы, проходившие бурно и

интересно, и был избран один делегат от институтских полутора тысяч коммунистов, который повез целый пакет наших предложений по изменению устава и программы партии. Но оказалось, что надежды и требования по реформированию КПСС были блистательно проигнорированы конференцией (читай — партаппаратом). Тогда-то и начался отток из партии. А сейчас взяли и поехали без выборов, кто захотел, вооружившись мнимыми полномочиями от несуществующей городской организации. Кого, чьи интересы они там представляли? Уж не этих ли трех мешков с забытыми документами? Впрочем, я не хочу упрекать поехавших — это люди по-своему увлеченные, все еще верящие в многострадальную идею и жертвующие ради нее своим временем. Упрек мой тем, кто на основе вот такого фиктивного представительства твердит по-прежнему о «миллионах коммунистов, общепартийных интересах». Как свидетельствуют отзывы самих делегатов и гостей этой конференции, на фоне привычного словоблудия фактически шла отчаянная борьба за возможные кресла в руководящих структурах «возрожденной КПСС», доходило до оскорблений и уходов с ритуальным хлопаньем дверью. Так что интересы все те же, что и раньше, разве что масштаб личностей сильно измельчал...

Скучно на партийном фронте, господа! Скучно и стыдно тем, у кого есть стыд.

Геннадий Дерновой
г. Протвино

За пять минут до «часа пик»

Для страны и мира Гайдар — символ реформы. Ельцину придется тщательно взвесить все «за» и «против», решая судьбу Егора и его команды

Марина Шакина

Накануне съездов атмосфера политической жизни в России заметно сгущается. Вот и сейчас за пару недель произошло столько будоражащих событий, что становится ясно — подготовке этого съезда все политические силы придадут особое значение. В преддверии Съезда народных депутатов и президент, и парламент считают необходимым демонстрировать твердость и силу. Их соперничество, затухающее от весны до осени и от осени до весны, обостряется вновь.

Борис Ельцин, застигнутый на прошлом съезде врасплох агрессивностью и недоб-

Судьба реформ в очередной раз поставлена на кон. Так случается регулярно раз в полгода — от съезда к съезду

рожелательством депутатов России, начал подготовку к съезду заблаговременно и в качестве пробного шара использовал просьбу об отсрочке съезда. Причем в ход пошла новинка — просьба Ельцина была подкреплена голосами президентов российских республик, образовавших Совет глав республик — что-то вроде горбачевского Совета федерации.

Только ли для психологического давления на парламент был изобретен этот орган? Так или иначе парламент отказал своему «любимому врагу». Реакция Ельцина была впечатляющей — российское ТВ довело его гнев до миллионов телезрителей. Что давало Ельцину основания надеяться, что депутаты пойдут ему навстречу? Со времен августовского путча они не упускают случая поставить президента на

место. И уж тем более делают это с удовольствием накануне съезда.

И тем не менее до сих пор таких сцен Ельцин себе не позволял...

Словом, открылись крупномасштабные предсъездовские маневры.

Разрабатывая сценарий

Судя по количеству депутатов, которые на голосовании в Верховном Совете поддержали просьбу Ельцина об отсрочке съезда, число его сторонников в парламенте продолжает уменьшаться. Съезд же, как показывает опыт, обычно радикальнее и резче Верховного Совета.

Что предпринимает президент, который не может не считаться с новой реальностью? Его действия оставляют противоречивое впечатление.

С одной стороны, его доклад на Верховном Совете был выдержан в спокойном решительном тоне: не обойдена ни одна болевая точка, высказаны деловые замечания по всем вопросам, скопившимся в политическом хозяйстве. Обуздание инфляции, социальная защита, права русских за рубежом, «никакой голод России не угрожает», экологическая ситуация.

Тут же президент подтвердил свои заявления практическими действиями — повышаются пенсии, откладывается на потом, как и накануне предыдущего съезда, либерализация цен на топливо. Приостановлен вывод войск из Прибалтики как ответ на дискриминацию русскоязычного населения. Ясно, что все эти меры призваны нисколько симпатии значительной части политического спектра и избирателей.

Прозвучала упреждающая критика правительства и персонала трех министров (намечены возможные жертвы?). Имели место благожелательные кивки в сторону «центристов из «Гражданского союза», что многие интерпретировали как готовность Ельцина завести флирт с директорской партией Аркадия Вольского. Гайдар и вице-премьеры активно ищут контактов с руководителями предприятий — и не тщетно. Часть директоров подписала мировую с Гайдаром.

Но с другой стороны — смутные угрозы после отказа парламентариев отложить съезд: «Я этого не забуду». Глухие разговоры о встрече в Старо-Огареве, где некая инициативная группа взялась обосновать возможность временного прекращения деятельности парламента, а кандидатура Юрия Скокова вроде бы обсуждалась в качестве альтернативы Гайдару. В этом же

Аркадия Вольского и Юрия Скокова молва называет главными кандидатами в новые премьер-министры. Так уж ли неизбежен приход ВПК?

ряду — обмолвки о президентском правлении.

Судя по всему, президент ведет многослойную подготовку с прицелом на компромисс, одновременно разрабатывая и иные сценарии развития событий.

Самодискредитация парламента продолжается...

К нашему парламенту все привыкли. Кажется, ничем уже ни он, ни его председатель публику удивить не могут. Однако в последние недели Верховный Совет потрясла еще пара скандалов, что говорит о том, что возможности далеко не исчерпаны.

Во-первых, история с корпусом охраны Белого дома, подчиняющимся лично председателю Верховного Совета. Пять тысяч вооруженных людей вне конституционных структур в конце концов привлекли внимание Ельцина. Командир охраны раздавал оружие тем, на кого укажет спикер. Охранники стояли на постах при входе во все важнейшие государственные учреждения Российской Федерации.

Уже после того как члены хасбулатовской охраны несколько раз вступили в конфликт с милицией и к их действиям было привлечено внимание, угрозы, сопротивление законным органам власти продолжались...

Незаконные вооруженные формирования под крылом законодательной власти — факт настолько вопиющий, что, конечно же, в интересах депутатов и спикера было бы эту историю замять. Тем не менее именно на этом рискованном поле Руслан Хасбулатов решил в очередной раз померяться силами с президентом, доказать, кто тут «главнее».

Состязание двух ветвей власти воплощается у нас в перепалку между милицией и охраной Белого дома на подступах к «Известиям»...

Еще одно заметное «достижение» парламента — разборка с «бандой четырех»: тремя министрами и одним госсекретарем, которые, выступая перед иностранной прессой, в очередной раз предупредили об опасности реваншизма. Парламент посчитал своим долгом вызвать политиков на ковер и потребовать объяснений — ведь все четверо принадлежат к числу излюбленных мишеней депутатов.

После того как четверка устала министра Козырева повторила свое заявление и, посчитав дело законченным, удалилась, в зале заседаний разгорелись страсти и зазвучали предложения — объявить порицание и поставить на вид! Повеяло уже слегка позабытым духом партийных собраний в те моменты, когда разбирается «аморалка»...

«Гвоздем» заседания стал скандал со спикером, которого в разгар рабочего дня застали в подозрительном состоянии. Теперь вся страна ломает голову — алкоголик Хасбулатов или наркоман? Особого значения это не имеет — и то и другое почти что в русле национальной традиции. Просто любопытно.

К образу Хасбулатова — хотя и колоритному, но мало радующему людей с хорошим вкусом и воспитанием (склонность к лукавству, чрезмерная простота в обращении, забывчивость, преувеличенное уважение к собственной персоне) — добавились новые смачные мазки. Кто-то считает оплошность Хасбулатова полным провалом, однако, мне кажется, никаких особенных последствий она иметь не будет — вряд ли мы дождемся, что пристыженные депутаты со всех ног кинутся переизбирать спикера.

В целом же создается картина продолжающейся самодискредитации Верховного Совета.

Тщетные усилия

С предыдущего съезда вопрос стоит в прежней формулировке: кто — кого. Президент съест съезд или наоборот.

Но дело в том, что ни у Ельцина, ни у депутатов нет для этого никакой конституционной возможности.

Президент не имеет права распустить Съезд народных депутатов. У него в запасе есть лишь отчаянный козырь, который он грозился использовать еще весной, — референдум, апелляция к народу: выбирайте, люди добрые, я или депутаты!

И, как говорится, еще бабушка надвое сказала, на ком остановит свой выбор российский избиратель. Вряд ли съезду стоит быть уверенным в своей привлекательности (тем более что по проекту новой

Александр Титкин, Петр Авен, Андрей Нечаев — три министра, чьей работой не очень доволен президент. Намеченные жертвы?

конституции и съезда-то никакого не предусмотрено, это структура, несомненно, устаревшая). Ельцин тоже рискует, но ему не впервой...

И все же президент решится на такой шаг только в очень крайнем случае. Неспроста полгода назад угроза пойти к народу так и осталась угрозой. В первую очередь стоит задаться вопросом — кто придет в Белый дом в результате новых выборов? Весьма вероятно, что как раз жириновские. К тому же в этом случае президент создаст не слишком желательный прецедент, который в какой-то момент может обернуться и против него.

Теоретически у съезда больше возможность «скрутить» президента. Например, объявить ему импичмент за нарушения конституции. Для этой цели может быть использовано, скажем, первое дело Конституционного суда, который отменил указ Ельцина о слиянии двух репрессивных ведомств — Агентства федеральной безопасности и министерства внутренних дел. Если к 1 декабря суд отменит указы президента, касающиеся КПСС, то компромат на Ельцина станет вдвое толще.

Помеха в том, что механизм импичмента в законе не разработан. Слишком много вопросов без ответов: сколько раз президент должен нарушить конституцию? Умышленно или неумышленно? Имеет ли значение, наступили ли последствия этого нарушения или нет? Ясно, что главная роль в толковании условий импичмента будет принадлежать Конституционному суду, а не парламенту. Инициатива ускользнет из рук депутатов.

Ярые противники президента нащупали и другой путь — квалифицированным большинством провести поправки к конституции. Пост президента убрать оттуда затруднительно, все-таки президентства пожелал на референдуме сам народ, а он выше даже такого уважаемого

органа, как съезд его депутатов. Но можно убрать из конституции все существенные функции главы исполнительной власти, сделать его фигурой номинальной, декоративной.

Нужно ли депутатам своим безоглядным давлением подталкивать Ельцина к крайним мерам — к чрезвычайному положению или к президентскому правлению? Тем более что армия заявила о своей верности конституционно избранному президенту, а с 1 ноября повышают зарплату сотрудникам органов внутренних дел...

Несомненно, угрозы Ельцина «разогнать съезд» производят неприятное впечатление на депутатов, вызывая их на острую с перехлестом реакцию. Нервозность — неотъемлемое качество нынешних политиков. Но умным сторонникам президента, как и умным депутатам, нужна прежде всего политическая стабильность — и Ельцин, и депутаты это осознают. И тем и другим невыгодно особенно сильно раскачивать лодку.

У кого больше «калашниковых»...

Если Ельцин и депутаты будут слишком усердствовать, посылая друг друга в отставку, власть может достаться кому-нибудь третьему.

Недавно группа депутатов опубликовала обращение к президенту, которое в народе уже прозвали «Слово к народу номер два». Единственное предложение, содержащееся в письме, — президент, уйдите, тогда и депутаты уйдут!

Такая идея выглядит чуть ли не самопожертвованием ради истины, но интересно, каковы будут последствия. Созидательный смысл предложения более чем сомнителен.

Страну, в которой и при законной конституционной власти не слишком много порядка, может ожидать в случае одновременной отставки

президента и парламента только полный беспредел.

Устранение законной власти — президента ли, парламента ли — вызвало разрушительные процессы, которые мы видим в Грузии, в Таджикистане, в Чечне. А Россия в силу громадности территории, огромных демографических ресурсов, насыщенности оружием эти образцы перехлестнет во много раз.

В ситуации безвременья есть еще одна опасность — в условиях политической нестабильности и экономической деградации люди могут отдать предпочтение авантюристам с экстравагантными и хлесткими лозунгами... Вакуум власти заполнят различные самозваные вече, фронты, соборы, союзы, причем авторитетнее будет тот, у кого больше «калашниковых».

Фронт национального спасения, заявленный в «Слове к народу номер два», провел в столице свое первое собрание. В президиуме — все те же человек пятнадцать от генерала Макашова до пламенной Сажи Умалатовой. Хорошие знакомые собираются регулярно, но при этом почему-то считают нужным каждый раз назваться по-другому: «всенародное вече», «русский национальный собор», «фронт национального спасения».

Постоянное мелькание одних и тех же лиц, постоянная перетасовка одних и тех же имен... Переходя с места на место, пятнадцать единомышленников уверились, что производят впечатление «мощного сопротивления режиму». Часть из них, по-видимому, действительно верит, что выражает волю народа и

Если президент и депутаты будут усердствовать, власть может достаться кому-то третьему

что стоит взять власть, как все образуется — и цены снизятся, и безработицы не будет, и производство начнет расти, и вообще все будет правильно. Но другая, более умная часть просто следует тропой собственных политических амбиций к власти — побыть у руля вместо сльцинцев.

На пороге ритуальных отставок

Для Ельцина сейчас главное — отстоять курс на реформы, которым он присягнул перед лицом всего мира. Ради этого президент, похоже, как и полгода назад, готов проявлять гибкость и замирился со съездом, если требования депутатов не перейдут границы приемлемого.

Президента на съезде ждет еще одно испытание: срок дополнительных полномочий Ельцина — право издавать указы, имеющие силу закона, и право самостоятельно формировать правительство — скорее всего, продлен не будет.

Совершенно ясно, что над Гайдаром и его «мальчиками» нависла угроза отставки. Съезду все-таки нужно найти наглядного виновника всех бед — это действие не рациональное, а скорее ритуальное. И тут президенту придется всерьез взвешивать все «за» и «против», решая судьбу правительства.

Отстоять кабинет полностью представляется малореальным. Возможно, депутаты удовлетворятся лишь снятием нескольких министров, как это было сделано на прошлом съезде.

В конце концов, если вспомнить, сколько опасений высказывалось в связи с появлением в кабинете Гайдара трех директоров — двух оборончиков и одного представителя энергетического лобби!

С одной стороны — множество опасений, с другой — множество надежд. Однако участие Владимира Шумейко, Георгия Хижы и Виктора Черномырдина не слишком сильно сказалось на ходе и качестве реформ. Они не ускорили, не затормозили реформу. Простора для маневров в экономике практически не осталось.

Но возникает вопрос: не повторяет ли Ельцин путь Горбачева, идя на постоянные уступки, сдавая одну позицию в реформе за другой под давлением правых и консерваторов?

«Вы можете снять меня, — сказал Егор Гайдар в Верховном Совете, — но вряд ли вам столь же легко удастся решить проблемы экономики». Ельцин, указав, что кабинет допустил немало ошибок, заявил тем не менее, что другое правительство справилось бы еще хуже.

Распрощаться с Гайдаром сейчас, когда Запад в очередной раз решает вопрос об отсрочке наших платежей, было бы ошибкой. Имя Гайдара в ряду руководителей страны — такой же знак стабильности, как и имя Ельцина. И в стране, и за рубежом многие воспринимают ситуацию так: «Есть Гайдар — есть реформа. Нет Гайдара — нет реформы».

И все же все чаще звучат голоса о том, что важнее экономический курс, чем какое-то определенное правительство.

Демократы уступают дорогу?

Почему-то никто не рассматривает такого варианта развития событий, при котором Ельцин призовет другую команду реформаторов. Скажем, вспомнит о Григории Явлинском. Обсуждаются кандидатуры, близкие ВПК, — Скоков, Рыжов, Вольский. Решение проблем экономики ведется в политическом компромиссе. Но он может принять различную форму — не обязательно полная смена кабинета.

Совершенно ясно, что любое новое правительство сначала долго будет формировать команду, затем представлять свою программу и долго утверждаться на парламенте, затем долго входить в курс дела.

Реформу это ни в коем случае не ускорит и экономическую ситуацию не поправит. Не успеем мы оглянуться, как наступит время очередного съезда. И снова зазвучит требование отставки правительства?

То же самое относится и к идее замены Гайдара директорами из «Гражданского союза». Но ситуация такова, что даже такие отчаянные сторонники реформ, как члены

фракции «Радикальные демократы», нет-нет да и поговаривают о том, что, может быть, есть смысл уступить дорогу директорам Вольского. В первую очередь потому, что это отбросит правых — патриотов и коммунистов.

Директора в отличие от фронтов, вече и соборов люди компетентные и основательные, но с ярко выраженными собственными интересами.

Аркадий Вольский до сей поры демонстрировал достаточно здравомыслие — во всяком случае, от реформ не отрекался ни разу. Заявленная программа — возобновить бюджетное финансирование крупных производств, постепенно переводя в сферу рыночных отношений мелкие и средние предприятия. И перейти к акционированию тогда, когда для этого создадутся благоприятные условия.

Такая программа слишком уж похожа на затягивание агонии. После возобновления финансирования ничто уже не будет вынуждать директоров к переменам. Где гарантия, что, оказавшись у власти, ВПК не сменит тон и его готовность к сотрудничеству не уступит место силовым методам реализации собственных интересов? Где гарантия, что со временем под давлением директорского лобби центральное финансирование не распространится на те же мелкие и средние предприятия?

Конечно, сама экономика в конце концов поставит ограничители этим устремлениям. Поскольку казна пуста, финансировать производство можно лишь за счет денежной эмиссии. Разразится отсроченный, но превосходящий по своей мощи все, что было прежде, инфляционный шок. Если еще раньше нас не постигнет полный коллапс российского хозяйства, поскольку в период формирования кабинета оно вообще останется без присмотра и поддержки.

Интерес советских крупных собственников, соединенный с властью, может подавить в центристах из «Гражданского союза» сегодняшнее трезвомыслие и стремление к сотрудничеству. Как решить вот эту непростую задачу?

Исход съезда зависит от того, в какой мере президент и депутаты будут чувствовать свою ответственность за развитие событий.

Пока что все выглядит так, что президент и правительство пытаются что-то сделать, а депутаты время от времени собираются на встречу, чтобы отчитать министров за нерадивость. Но такая модель отношений сильно искажает представление парламентариев об истинных возможностях российской экономики. Неужели наши власти способны найти общий язык только лишь ценой политических потрясений?

ствовать, посылая друг друга в отставку ему...

Кандидатов в Бонапарты нет

Напрасно политики апеллируют к армии. Она выступает «за отечество» и «за себя» и не будет участвовать в политических играх

Дмитрий Тренин

Очередное резкое обострение политического кризиса в стране вновь привлекает внимание политиков, аналитиков и рядовых граждан к армии. Как поведут себя вооруженные силы на этот раз? Чью сторону примут?

Как обычно, в таких случаях множатся слухи. Средства массовой информации комментируют признаки, позволяющие, по-видимому, судить о положении и настроениях в военной среде. (Речь, в частности, шла об отставке трех советников министра обороны, о приказе сосредоточить стрелковое оружие и боеприпасы к нему на крупных складах. Намекалось также на разногласия в высшем эшелоне военного ведомства, на грядущие крупные перестановки в нем.)

Одни и те же акции (скажем, заявление коллегии министерства обороны от 22 октября по поводу конфронтации между исполнительной и законодательной властями) подавались общественности неодинаково: «Известия» усмотрели в этом клятву верности президенту и «идеалам августа», в то время как «Красная звезда» отказалась от подобного «партийного» подхода. Итак, вопросы остаются, а с ними — опасения, страхи, а может, и надежды.

«Беспрюгильная» стратегия в августе

Прежде всего о страхах. Некоторые боятся «военного путча». Они могут быть спокойны: такого путча не будет. Брать власть армия не хотела и не захочет. Даже в августе прошлого года вооруженные силы не попытались установить военную диктатуру, хотя тогда обстановка была гораздо благоприятнее.

Заговор ГКЧП также не был делом военных кругов: маршал Язов, как можно судить, был скорее вовлечен в него, чем являлся организатором. Из всего высшего генералитета убежденно, решительно и активно действовал, пожалуй, лишь генерал армии Варенников. Армия же в целом (генералитет, офицерство, срочнотрудовые, не сговариваясь, заняла весьма своеобразную позицию. Она не отказывалась выполнять приказы своего министра (поступить так означало бы нарушить присягу), но и не выполняла их.

С точки зрения вооруженных сил, это был оптимальный вариант: армии не нужен был «выигрыш», но не

Армии надоело расплачиваться за ошибки политиков в Тбилиси, Баку, Вильнюсе. Появилась парадоксальная формула: законность приказа определяется его исполнителем

в ее интересах было рисковать ради других. Отсюда — стратегия, которую можно было бы назвать «беспроектной». Она сработала и таким образом стала моделью для поведения армии в ходе последующих политических конфликтов.

В последние годы перестройки популярность президента Горбачева в военной среде постоянно падала, но открыто выступили против его политики лишь единицы (Алкснис, Макашов). Сегодня трудно утверждать, что рейтинг президента Ельцина или его правительства в войсках много выше, чем по стране в целом, но в рядах Фронта национального спасения военных фигур не прибывает. Читатели «Дня» (а такие среди офицеров, конечно, есть) — это еще не бойцы «фронта».

С другой стороны, вряд ли уместен энтузиазм тех демократов, которые считают, что армия — «наша». Героико-романтические образы (БТРы под трехцветным российским флагом в августе, танки майора Евдокимова у стен Белого дома) недолговечны. Трезвый анализ ситуации играл куда большую роль даже в августе (вспомним действия генерала Лебеда и его десантников), а уж после того — тем более. Ни армия, ни внутренние войска не пойдут «защищать демократию», если это будет означать конфронтацию с антиправительственно настроенной массой.

Интересы, а не идеалы

До сих пор речь шла о том, что армия не будет делать. Как же она будет действовать? Армия, безусловно, стоит за сильное государство, за законность и порядок внутри страны, спокойствие на ее границах и готова поддержать те силы, которые, по ее мнению, способны обеспечить это.

Военное командование, став час-

Генерал Лебедь, как и многие в августе, проявлял сдержанность, предпочитая не занимать ничью сторону

тью «новой номенклатуры», традиционно ближе к президенту как к главе исполнительной власти и верховному главнокомандующему. Говорить об идеологической близости генералитета и команды Гайдара, однако, не приходится. Позиция высшего военного руководства, таким образом, будет определяться интересами, а не идеалами.

Вместе с тем нужно иметь в виду, что армия поддержит только ту власть, которая будет в ее глазах легитимной. Опыт августа (а еще раньше — Тбилиси, Баку, Вильнюса) научил военных в серьезных случаях исполнять только письменный приказ, фактически игнорируя устные распоряжения. Кроме того, любой (в том числе письменный) приказ должен выглядеть законным. В прошлом году Шапошников и Грачев создали важный прецедент, заключающийся в парадоксальной формуле: законность приказа определяется его исполнителем.

Что же касается конкретных вопросов, то «наверху» (как, впрочем, и в «середине», и в «низах» армии) большинство «за отечество» и «за себя». Судя по косвенным признакам, позиция министра обороны, теснее связанного с президентом, более четко определена, чем позиция других членов коллегии.

Персональные перестановки в высшем эшелоне, конечно, возможны, хотя нынешний состав верхушки в министерстве обороны только-только сформировался под руководством министра Грачева и по традиции лично связан с ним. Полная смена верхнего слоя в сложившихся условиях малоэффективна и крайне опасна. Некоторые, в том числе важные, перемены, однако, могут носить естественный, неполитический характер.

Это не относится к трем уже бывшим советникам главы военного ведомства. Все они были и остаются

Из всего генералитета активно поддержал ГКЧП лишь генерал Варенников. Он был исключением из правила

Министерство обороны только-только сформировалось под руководством Павла Грачева

членами координационного совета союза «Шит», отношения которого с руководством армии складываются сложно, и было бы наивно предполагать, что система Минобороны не отторгнет их уже вскоре. «Независимость» в рамках военного ведомства, на которую рассчитывали эти офицеры, имеет весьма узкие рамки.

Нейтралитет в пользу отечества

Итак, какие выводы мы вправе сделать? Во-первых, среди российских генералов не стоит искать кандидатов в Бонапарты. Силовое вмешательство со стороны армии в политический процесс не будет.

Что же касается опасений по поводу «бесконтрольности» армии, то неспособность парламента создать действующий механизм гражданского контроля была компенсирована действиями президентской власти, создавшей Совет безопасности. В рамках этого набирающего вес и влияние органа жестко направляется и координируется деятельность всех силовых структур.

Во-вторых, армия явно не хочет втягиваться во внутривнутриполитическую борьбу на чьей-либо стороне, предпочитая «не высовываться». Это, между прочим, важнейший фактор, работающий на внутривнутриполитическую стабильность. Не дай бог армии расколется на «сторонников» и «противников»: тогда политическая обстановка в стране может перерасти в военно-политическую. Правда, объективно «нейтралитет в пользу отечества» будет благоприятствовать нынешней власти (прежде всего исполнительной), а не тем, кто на власть претендует. До сих пор (в августе, декабре) армия, хотя ей было очень нелегко, действовала благоразумно. За это надо быть ей благодарными.

Самый секретный секрет секретарей

Лев Безыменский

Мельницы Господни мельт медленно, но мельт. Наконец появились первые публикации из таинственного «кремлевского» (или «президентского») архива. Сначала это были документы о Катини, теперь — о советско-германских секретных соглашениях 1939 года.

Самое парадоксальное: эти документы сами по себе мало кому нужны. О Катини мы уже давно знали. Факт существования секретных протоколов был установлен на Западе полвека назад, а с нашей стороны признан на наивысшем уровне после работы парламентской комиссии Съезда народных депутатов СССР, которой с высочайшим политическим мастерством руководил в 1989 году Александр Николаевич Яковлев. Так что, может, лишь историкам будет интересно разбираться в подробностях и, говоря словами непопулярного ныне поэта, копаться в «окаменевшем дерьме»? Но нет. Как сами протоколы являлись ярчайшим проявлением сталинизма в советской внешней политике, так и их судьба — не менее яркое свидетельство глубокой болезни их породившей системы.

Журнал «Новое время» в последние годы не раз писал о протоколах, подписанных 23 августа и 28 сентября 1939 года. Теперь же, после пресс-конференции, которую провели 27 октября «владыка российских архивов», председатель Роскомархива Рудольф Пихоя, известный своими биографиями

Оригиналы протоколов к договору Молотова — Риббентропа обнаружены. Но своей очереди ждут еще 2 тысячи «закрытых пакетов», хранящихся в «кремлевском» архиве

Сталина и Троцкого Дмитрий Волкогонов и, разумеется, Александр Яковлев, сама история протоколов выглядит по-новому.

Две жизни протоколов

В течение всего послевоенного времени протоколы вели как бы двойную жизнь. Первая — официальная, в которой их вроде как и не было. Когда в марте 1946 года на Нюрнбергском процессе — вопреки воле советского обвинителя — упомянули о дополнительных, сугубо секретных предложениях к широко известным советско-германским договорам 1939 года, советская сторона сделала все, чтобы замаять дело и не приобщать его к документам Международного трибунала. Затем протоколы были объявлены фальшивкой. Они не упоминались ни в одном официальном труде. Андреем Громыко не раз заявлял, что протоколов не было и нет (последний раз — в апреле 1989 года, незадолго до смерти). Молотов также, на том же смертном пороге, заявлял, что не может о протоколах припомнить.

А в действительности? Как ясно из преданных ныне гласности данных, до 1952 года оригиналы всех протоколов (их было 8, а к ним две карты с подписями Сталина и Риббентропа) хранились у Молотова, где их однажды, а именно в апреле 1946 года, «перерегистрировали». Дата понятна, так как Молотов явно обеспокоился упоминанием в Нюрнберге. 30 декабря 1952 года документы перешли от Молотова в архив ЦК КПСС. Дата также понятная, так как она совпала с опалой бывшего всемогущего министра.

Здесь они хранились на особом режиме, как и все «особые папки» и «закрытые пакеты», — в VI секторе Общего отдела ЦК. Ол-

При подписании советско-германских документов (1939 год) в Кремле царил большое оживление. Сталин провозгласил тост за здоровье Гитлера, которого, по мнению Сталина, «сильно любит немецкий народ»

Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза

МОСКВА, Старая площадь, 4

ФОНД № 3
ОПИСЬ № 64
ЕД.ХР. № 675-а
на 26 листах

ДЕЛО № 46-Г9А/2-г/4-1

СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР 1939 г.

Внешний вид «закрытого пакета» № 34, хранившегося с 1952 года в VI секторе Общего отдела ЦК. Документально доказано, что о его содержании знали Сталин, Молотов, Громыко, Земсков и Болдин. Но ограничился ли ими круг лиц, посвященных в эту тайну?

нако дважды копии протоколов посылались: 8 июля 1975 года на имя заместителя Громыко Земскова (он вел дела архивами) для ознакомления Громыко. Копии были возвращены и уничтожены 4 марта 1977 года. Второй раз — снова Земскову 21 ноября 1979 года (копии возвращены и уничтожены 1 февраля 1980 года).

10 июля 1987 года документы были представлены заведующим VI сектором Л. Мошковым заведующему отделом Валерию Болдину, который с ними ознакомился. На них были наложены две резолюции: «держат под рукой» и «без разрешения заведующего пакет не вскрывать». Это были две большие красные папки за номерами 34 и 35. Там они и пролежали до октября 1992 года, в фондах так называемого «президентского» архива, созданного тем же Болди-

ным, когда он ушел из ЦК КПСС на пост руководителя аппарата президента СССР Михаила Горбачева.

С чего началось

По-новому выглядит сейчас и политическая борьба, которая развернулась вокруг секретных протоколов в начальном периоде перестройки. Декларации горбачевского руководства о новом внешнеполитическом мышлении и гласности, в том числе и во внешней политике, тогда были приняты всерьез. В том числе и в Польше, для которой протоколы были незаживающей раной, да и внутри нашей страны, в ее прибалтийских, тогда еще советских республиках.

Широко известен итог. Но мало известна его предыстория. Уже в конце 1986 — начале 1987 годов стало ясно, что «проклятого вопроса» о протоколах не обойти. На встрече секретарей ЦК братских партий в январе 1987 года он был вежливо, но прямо поставлен поляками. Как мне рассказывал Эдуард Шеварднадзе, и в его ведомстве шла подготовка предложений для ЦК. Когда же в апреле 1987 года встретились Горбачев с Ярузельским и была создана советско-польская комиссия по «белым пятнам», протоколы стали объектом ее изучения. Отделам ЦК КПСС и МИД СССР было дано специальное задание подготовить соответствующие предложения. В июне Медведев говорил с Горбачевым, причем уже тогда все уперлось в отсутствие оригиналов. Проект для «вхождения в ЦК» был готов лишь в декабре. В нем излагалась история вопроса, предлагались варианты поведения (сохранение старой позиции, частичное признание, полное признание). Записку подписали Эдуард Шеварднадзе, Анатолий Добрынин и Вадим Медведев, причем их позиция склонялась к признанию.

Обсуждение состоялось только 5 мая 1988 года — в преддверии визита Горбачева в Польшу. Докладывавший Вадим Медведев сделал ударение на важности вопроса и необходимости внесения в него ясности. Заместитель министра иностранных дел Леонид Ильичев и председатель советско-польской комиссии по «белым пятнам» Георгий Смирнов напомнили, что есть достоверные свидетельства существования протоколов. Зато шеф КГБ Виктор Чебриков категорически воспротивился любым шагам к признанию. Однако самым любопытным было заявление Громыко. По свидетельствам очевидцев, он долго излагал историю дела и заявил, что «с точки зрения длительных интересов надо сказать правду». Но не разъяснил, какую, и об оригиналах не упомянул.

Подумать только: Громыко, не считая оригиналы протоколов, обмывает не кого-либо, а своих коллег по политбюро! То же самое фактически делает и Болдин, который знакомил Громыко с документами из «особых папок». В результате Михаил Горбачев, подводя итоги заседания, считает, что из-за отсутствия оригиналов решения принимать нельзя. Он предлагает ограничиться обсуждением, что на аппаратном языке означает: вопрос закрыт. А оригиналы, о которых говорит Горбачев, спокойно лежат за несколько сотен метров от Кремля, где шло заседание, в архиве Общего отдела...

Могу лишь спросить: если, прослушав прения на заседании, Болдин не сказал Горбачеву об оригиналах, то кто управлял партией и страной? Горбачев или Болдин?

Действительно ли Горбачев не знал об оригиналах, во что мне хочется верить? Или пользовался этим тайным знанием, как это он часто делал, своеобразно: поощрял неизбежное признание фактов, но медлил и выжидал «удобного момента»?

А.А.Громько во время интервью (фото из № 17 журнала «Шпигель» за 1989 год)

«Это фальшивка»

В апреле 1989-го корреспонденты журнала «Шпигель» И.Меттке и Ф.Майер беседовали с Андреем Громько на его даче. Громько был одним из немногих, кто держал в руках секретные протоколы

«Шпигель». В вашей книге вы говорите, что так называемый секретный протокол о договоренностях между Молотовым и Риббентропом 1939 года нигде не был найден и не мог быть найден, поскольку это фальшивка. Мы передаем вам копии немецкого и русского текста, подлинность которого подтверждает видный немецкий дипломат Густав Хильгер.

Громько. Быть может, Хильгер и видный дипломат, но у него сложное отношение к фактам. Я должен повторить, что не существует никаких доказательств существования документов, якобы подписанных Молотовым и Риббентропом кроме официально известных. Эти, ныне распространяемые документы — фальшивка. Это сильное слово, но я употребляю его совершенно сознательно и с пониманием своей полной ответственности...

Мне остается лишь повторить, что не существует никаких подлинных документов, о которых говорит Хильгер. Ибо подлинная история, особенно когда речь идет о договоренности, да еще о территориальных договоренностях между двумя странами, может основываться только на проверенных документах, а не на эмоциях и вымыслах.

«Шпигель». И вы не видели оригиналов?

Громько. Я начал свою работу в Наркоминделе СССР в 1939 году. Я никогда не слышал ни от одного дипломата о каком-то «протоколе». К тому же при внимательном рассмотрении содержание «протоколов», внезапно появившихся после разгрома фашизма, находится в противоречии с действительным развитием событий, в том числе в прибалтийском районе.

Новый тур поисков был начат после создания комиссии Яковлева. Все ведомства получили соответствующие указания Горбачева. Комиссии действительно представили много документов из МИД, Минобороны, «особого архива» и так далее. Из КГБ — скромную справку, из Общего отдела ЦК — ничего.

Кстати, когда шла работа комиссии Яковлева, Болдина не раз просили о поисках протокола, в том числе лично Яковлев. Ответ: у нас ничего нет.

Ничего не сказал Болдин и 31

июля 1989 года, когда Яковлев доложил на политбюро результаты работы комиссии и ее убежденность в необходимости признать существование протоколов. Горбачев снова требовал оригиналов. Неудивительно, что консервативные члены политбюро блокировали принятие решений. Зато заведующему Международным отделом Валентину Фалину вынесли серьезное порицание за то, что он в интервью советскому и немецкому телевидению позволил себе признать существование протоколов. Вопрос был снова заблокирован.

Полвека лжи

Так полвека молчания о протоколах превращались в полвека лжи, поднятой на высший государственный уровень. Она стояла нам и потери престижа, и бездарного отнекивания на международных форумах, и полного тупика в объяснении предвоенного периода. Это была, увы, коллективная ложь. Ибо, следуя указаниям Молотова и Громько, сотни дипломатов, политиков, историков, публицистов (среди них и автор) невольно связывались в одну цепь. Такие же цепочки создавались и в других сферах политической жизни страны. Со всеми вытекающими отсюда последствиями...

Но, увы, это не единственное свойство системы. Не задавали ли вы себе такой вопрос: версия об исчезновении секретных протоколов была пущена сразу после войны. Позже, когда расстроился критический взгляд, стали говорить об уничтожении — то ли рукой Сталина, то ли рукой Молотова. Но вот загадка — почему же не уничтожили? На аналогичную загадку в катынском деле пытался

ответить бывший председатель КГБ Александр Шелепин. В «особой папке» лежало его предложение об уничтожении всех уличающих НКВД документов. Был даже заготовлен проект соответствующего постановления политбюро. Но... проект не приняли, документы не уничтожили. Сознательно.

Можно предложить несколько толкований этой «парадигмы». Первое: абсолютная уверенность в вечности и непреходящести самой системы. Она должна была, по мнению ее творцов (они же ее разрушители!), пережить всех и вся. Никто и никогда не должен был нести ответственности за совершенные деяния. Второе, более спорное объяснение: система как таковая настолько лишает своих носителей к способности критическому самовосприятию, что подобно тому как преступника влечет на место преступления, так и ее деятели испытывают какую-то загадочную тягу к документу как таковому. Документ становится сильнее системы и, оказывается, его нельзя уничтожить.

Сколько еще секретов?

Сейчас мы листаем страницы оригиналов секретных протоколов вроде как без особых чувств, все известно, все прочитано, все осуждено, преодолено и так далее. Но неужели мы забыли, что творилось лишь три года назад, когда вокруг пакта Молотова-Риббентропа кипели нешуточные страсти? Именно об этом с полным правом напомнил Александр Яковлев на пресс-конференции 27 октября. Напомнил, как ему не верили (даже в политбюро), как обвиняли в измене Родине и фальсификации. Как «завалили» предложения комиссии при первом голосовании. Как «завалили» предложения комиссии при втором голосовании. Ведь даже перед вторым голосованием на трибуны выбежал с искаженным лицом депутат от ветеранов войны, заклиная не признавать существование протоколов.

Синдром «святой веры» в Сталина был силен три года назад. Силен он и сейчас, когда заслуживающие уважения к своему возрасту демонстранты выходят с портретами и призывами чтить великого вождя. Тем самым любое восстановление исторической правды становится актуальным политическим событием, помогающим преодолеть застарелые синдромы, которых больше чем достаточно.

История секретных протоколов завершена. Но как долго будет продолжаться явно затянувшийся процесс передачи «президентского» архива, откуда приходят сенсации? На пресс-конференции нам сказали, что в ЦК хранилось около 28 миллионов дел. Но есть дела и дела, а как считают знатоки, «закрытых пакетов» не более 2 тысяч. Неужели нельзя начать с них?

Президент для Эстонии или президент для эстонцев?

Расстановка сил у пирамиды власти

Новому правительству предстоит нелегкая работа. Крона падает, цены на хлеб растут, экологический кризис...

Марк Левин

В Эстонии прекратили свою деятельность Верховный Совет и его председатель. Теперь парламент называется Государственным собранием, а глава государства — президентом. Народный фронт, четыре года назад посеявший ветер борьбы за суверенность Эстонии, пожал теперь бурю: у него в Госсобрании лишь 15 мест из 101. Это означает, что теперь лидерам НФ придется ходить за поддержкой к своим вчерашним оппонентам. А те... На выборах они выступали под лозунгом «Очистим площадку!», подразумевая освобождение всех властных структур от советской и постсоветской номенклатуры. Однако народофронтовцы как раз эту самую постсоветскую номенклатуру и образовали... Вот такая диспозиция.

Новый президент — новый имидж

Нынче штурвал государственного корабля Эстонии держат в руках новые люди. Разумеется, сейчас еще рано подводить какие-то итоги их деятельности: нынче время не результатов, но прогнозов. Однако уже, хотя еще не сформировано правительство, отчетливо видно, что государственный корабль с надписью «Эстонская Республика» на борту оказался не в синем море-океане, а в топком и туманном болоте.

Все вокруг неустойчиво, неопределенно. Все переменчиво. Ведь даже главный курс теперь надо изменять: прежде Эстония двигалась к суверенитету, к независимости, к избавлению от того, что называли «советизацией», теперь ЭР — независима, свободна, стало быть, цель достигнута и... что впереди? К тому же национал-радикалы, победившие на выборах, имеют очень шаткое большинство в парламенте, им нужна коалиция, а значит, нужен компромисс. Но как радикализм совместить с компромиссом?

Ответ вроде бы понятен: нужно быстрее обеспечивать политический суверенитет с экономической мощью. Но опять нужно отделять белок от желтка и спрашивать: для кого станут добиваться благосостояния новые парламентарии и свежиспеченный президент? Для Эстонской Республики как государства? Или для каждого города, уезда, для каждой деревеньки? Или же для всего народа Эстонии, для всех без исключения ее жителей? А может быть, лишь для одних только граждан ЭР, то есть для коренных

эстонцев, которые одни только и голосовали за Госсобрание и президента?

Избиратели в своем большинстве поддерживали одного кандидата, а парламентарии избрали президентом совсем другого (по результатам прямого голосования ни один из кандидатов не получил более пятидесяти процентов голосов, необходимых для победы. Во втором туре участвовали одни только члены Госсобрания, они назвали президентом Леннарта Мери, хотя на первом этапе он набрал меньше тридцати процентов голосов, а его главный конкурент Арнольд Рюйтель — больше сорока процентов). Уже здесь на этой почве сможет прорасти зерно гражданского конфликта — и прорастет, если только господин Леннарт Мери не сможет быстро обеспечить интересы преобладающего большинства своих рядовых сограждан. Для этого ему придется избегать крайностей, отходить от присущего ему радикализма, отказываться — к тому же публично — от привычного стереотипа своего политического поведения.

Признаться, я не думаю, что это было бы Леннарту Мери-президенту уж так трудно: он достиг высшей власти в государстве, и тут больше не нужен радикализм, не нужно больше выделяться из массы антироссийским настроением, популистской непримиримостью в своих взглядах. Теперь понадобится как раз противоположное: стать на деле олицетворением единства если не всей Эстонии, то — хотя бы поначалу — всей эстонской нации.

Ситуация диктует новый стиль поведения не одному Леннарту Мери, но и многим политикам и политическим объединениям. По-видимому, и Партия национальной независимости Эстонии теперь должна была бы объявить о самороспуске, как минимум серьезно изменить название и программу — иначе она в независимой де-юре и де-факто Эстонии окажется партией вчерашнего дня. К слову, признанный основатель и руководитель партии госпожа Лагле Парек набрала голосов, баллотируясь в президенты, меньше всех других кандидатов. А поскольку нет ее и в Госсобрании, то сей факт может привести к значительному обострению внутрипартийной борьбы и вызвать в Партии национальной независимости передел власти.

Еще один писатель у кормила

Поздравляя Леннарта Мери с избранием на высочайший пост, можно в то же время ему посочувствовать: работа предстоит тяжелейшая, а «профессию» официального главы государства писателю-этнографу придется осваивать на ходу. Не в од-

История одной отставки

В марте этого года Леннарт Мери, тогдашний министр иностранных дел Эстонии, дал интервью корреспонденту «Нового времени». Напомним читателям несколько высказываний бывшего главного дипломата Эстонской Республики:

«Наша обязанность по отношению к западным партнерам заключается в защите Европы от угроз с Востока. Балтия должна стать европейским бастионом на границе России, дабы помочь сохранить «европейскую индивидуальность» — главное достижение послевоенного периода...»

«Именно через Эстонию станет в обозримом будущем проходить передовая линия защиты Европы от преступности, наркотиков и прочего негативного влияния, исходящего с территории бывшего Советского Союза... Мы не можем далее допускать беспрепятственного проникновения из России убийц и грабителей... Восточные рубежи Эстонии должны быть перекрыты как можно быстрее и плотнее. Мы примем для этого все доступные меры».

«Вообще-то это (нарушение прав русскоязычного населения. — «НВ».) наше внутреннее дело и не надо в него вмешиваться. Мы же не вмешиваемся в проблему канибализма в России».

Это интервью вызвало негативную реакцию в Таллинне, в печати появились даже намеки на излишнее

пристрастие министра к спиртному.

В апреле Леннарт Мери ушел в отставку. На посту министра иностранных дел его сменил гражданин Швеции Яан Маницкий, заявивший об отказе от конфронтации с Россией, о необходимости добрососедских отношений на востоке. А недавно парламент избрал Леннарта Мери президентом республики.

ной Эстонии профессиональные литераторы становились президентами, были прецеденты и прежде — от Латинской Америки до Центральной Европы. Вспомним Альенде, вспомним Гавела... Их опыт, их горькие уроки могут сослужить — и, я надеюсь, сослужат — добрую службу начинающему эстонскому президенту. Пожалуй, тут главное не столько в том, чтобы осознать, сколько в том, чтобы открыто признать: сила Эстонии, ее гарантии лучшего будущего — в единстве народа как целого.

Тем не менее мы можем предполагать, что президент уже скоро несколько сместится влево. Сегодняшняя ситуация такова, что Эстония остро нуждается в западной помощи, прежде всего в инвестициях в местную экономику. Но это вряд ли возможно при политической нестабильности. Значит, надо в первую очередь добиваться упрочения социального и политического мира внутри республики, искать способы сближения «коренных» с «некоренными». В противном случае впечатление о суверенной Эстонии на Западе будет мрачным, а демократические государства не подадут ни гроша режиму, который в преддв-

рии XXI века устанавливает апартеид. Об этом уже сегодня предупреждают крупнейшие специалисты-политологи, демографы и экономисты западных стран.

Цивилизованный мир недешево заплатил за свою систему ценностей и теперь больше не откажется от нее. А среди них важнейшая — человечность. Она, кстати, еще и выгодна: именно под нее охотнее предлагают помощь, открывают кредиты. Она же, эта хрупкая человечность, наиболее прочно обеспечивает государственную безопасность — как ни парадоксально это звучит.

Увы, местным политикам то и дело приходится об этом напоминать — не столько из-за их слабой памяти, сколько из-за их упрямого нежелания сей факт принимать в расчет. Каждый из них, сдаётся, поглощен решением собственных (ну в лучшем случае фракционных) задач, а в результате страдает народ, углубляется экономический кризис. Безработица растет не по дням, а по часам. Здесь-то и проявляется парадоксальность новой ситуации. Ибо безработица тесно связана с вопросом о территориальной целостности страны.

Дело в том, что сокращение

производства больше всего бьет по северо-восточному региону, где находится крупнейший промышленный узел республики. Тут следует обратить внимание, что в русскоязычной Нарве, где остановлены шесть из семи фабрик комбината «Кренгольмская мануфактура» и на улице оказались тысячи женщин — прядильщиц и ткачих — и где с завода «Балтиец» уволены тысячи мужчин — высококвалифицированных инженеров, техников и рабочих... Эта масса вынуждена выбирать: или эмигрировать, или люмпенизироваться. Но бежать особо некуда, а в голодном люмпене быстро вызревают агрессивность и экстремизм.

Не будет преувеличением сказать, что неумелые, но азартные политики с Вышгорода, где заседают правительство и Госсобрание, буквально загоняют северо-восточный регион в сепаратизм. Мотивируется все так: якобы эстонским гражданам нет и не должно быть дела до нужд и забот их земляков-неграждан, то есть русскоязычных, якобы Эстонии станет только лучше, если «мигранты» отсюда уберутся...

«Свои» и «чужие»

Никого, по-моему, не может успокаивать сегодняшнее политическое затишье в Эстонии. Ибо оно то и дело нарушается — то выстрелами эстонских военных (плохо обученных, но разгоряченных), то насилием уголовных формирований (а банды, как и везде, интернационализируются легко и быстро). Поэтому можно предполагать, что люмпенизация станет в Эстонии набирать темпы, если государственное развитие будет протекать по нынешнему руслу. А это чрезвычайно опасно, ибо грозит отчуждением государства от собственного же народа, простые люди — вне зависимости от их национальной принадлежности — окажутся чужими в своей стране, их государство может стать им враждебным.

Так что же удивляться, что все больше пассажиров хочет спрыгнуть с этого корабля? Едва ли не все посольства и консульства в Таллине полны заявлений желающих выехать из Эстонии — кто на временную работу, кто навсегда... А ведь уезжают, как известно, не худшие. Бегут лучшие, самые квалифицированные, самые предпринимчивые. Утекает из Эстонии и местный капитал — бизнесмены в массовом порядке переводят счета за границу. На прилавках нынче избилые, но оно лидерно: оно обусловлено всего лишь невозможностью людей покупать вещи, когда на продукты средств не хватает.

Все это наводит на мысль, что как эстонцев, так и неэстонцев ждет братание — по экономическим при-

Стали известны первые назначения: Лagne Парек, лидер Партии национальной независимости Эстонии (на снимке) стала министром внутренних дел, а министром юстиции — бывший кочегар, активист этой же партии Кайдо Кама

чинам, из-за угрозы всеобщей нищеты. Впереди зима: похоже, эстонцам предстоит пройти курс «лечебного закалывания». Их поджидает резкий спад производства: похоже, предстоит еще и курс «лечебного голодания». Трудности «сближают» эстонцев и неэстонцев.

Это означает, что правительство (которое, по всей видимости, возглавит Март Лаар, никогда прежде не занимавшийся экономикой, историк, известный своими работами по реабилитации «лесных братьев») по старой и недоброй традиции примется искать виноватых. Оно примет также делать то, что умеет лучше всего: осуществлять кадровые перестановки, расставляя на ответственные посты «своих» и убирать «чужих».

Парламент на первых порах будет занят пересмотром юридических аспектов законодательства, а уж когда у него руки дойдут до экономических проблем, неизвестно. Во всяком случае, первый закон, который приняло Госсобрание, — это закон о ветеринарной службе... При этом, разумеется, слова об экономике, о коренном реформировании будут звучать громко... Полагаю, что при таком раскладе роль Госсобрания будет постепенно уменьшаться, роль правительства — увеличиваться (больше в идеологическом аспекте, чем в экономическом), а президент... может стать им обоим весьма неудобным. И они попробуют его убрать: возможно, как-то дискредитируют (думаю, вовсе не случайно в период предвыборной

кампании пошла в ход козырная карта — намеки о связях Леннарта Мери с КГБ), а возможно, и не потребуют отставки, но сведут президентскую функцию к почетному присутствию на торжествах и собраниях.

Один из ключевых вопросов для политиков в Эстонии: какой быть Эстонской Республике — парламентской или президентской? Мнение народа при этом не так важно, ведь не оказалось же оно важным и при избрании самого президента членами Госсобрания. Но какой бы выбор ни сделали парламент и Леннарт Мери, им придется учитывать, что народ Эстонии все еще разделен на две общины и что глава государства не потеряет в силе, лишь опираясь на их единство.

Привратники без дела

Эстонские руководители отвергают какое-либо давление извне, особенно давление с востока, заявляя, что предоставление гражданских прав, к примеру, — это внутреннее дело Эстонской Республики. Но здесь почему-то упускается из виду, что защита прав человека (а поражение в гражданских правах сплошь и рядом ведет к нарушению прав человека) в нормальном, то есть демократическом, цивилизованном мире сегодня не считается вмешательством во внутренние дела конкретного государства.

Пока Россия еще очень осторожна, а то и вяло и все больше на словах, чем на деле, вступает за права русскоязычного населения в ближнем зарубежье. Но можно предположить, что при всех собственных политических миграциях «восточный сосед» Эстонской Республики уже скоро станет более настойчиво и последовательно это делать. Ответное ужесточение эстонской позиции не приведет к улучшению взаимоотношений, а как раз в нем оба нынешних контрагента заинтересованы в равной степени.

Речь, естественно, не идет и не пойдет об угрозе международной безопасности, однако экономическая стабильность и географическое положение ведь тоже чего-то стоят, не так ли? И если Россия сегодня утратила выходы к Атлантике через Балтийское море, то Эстония перестала быть «воротами» с Запада на Восток. Западные бизнесмены уже больше не хотят платить балтийским привратникам. Очевидно, предоставление равных прав всем, кто живет в Эстонии и считает ее землей родной, не такая уж дорогая цена за экономическое процветание республики. И столь же очевидно, что этого процветания Вышгороду не достичь без равноправного и взаимовыгодного сотрудничества с Кремлем.

ТАЛЛИНН

Прав ли правый берег?

В Молдове специфическое национальное возрождение. Главный вопрос этнического самосознания — кто мы? Румыны? Молдаване?

Галина Ковальская

«Конечно, румыны, — не сомневаются филологи. — Если заменить совершенно чуждую языку кириллицу на латиницу, получается румынский язык. Какие споры?» И вправду, там, где еще сохранились надписи на кириллице, непривычному глазу они кажутся нелепыми: романский язык в славянской вязи.

Мы не румыны

Сегодня за шрифт идет война. У нее свои герои, свои мученики. Стоять за кириллицу означает демонстрировать нелояльность официальному Кишиневу. А на левом берегу, где употребление латиницы запрещено правительством непризнанной Приднестровской республики, использование латинского шрифта — это Поступок, это борьба за укрепление государства Молдова. Видела среди переселенцев из Приднестровья учителей, обучавших на латинице и за это лишившихся работы, подвергавшихся преследованиям.

«Ну посмотрите объективно, раз вы знаете романские языки: вот молдавская газета, вот румынская. Есть разница?» Нету, нету разницы. В молдавской больше русских корней, как больше немецких корней в швейцарском французском, который от этого французским быть не перестает. Так, значит, румыны?

Крупным планом по телевизору женские лица: «Мы не румынки, мы никогда румынками не будем! Мы молдаванки! И дети наши будут молдаванами!» Это — с левого берега. Может быть, их запугали, заставили? Но в глазах такая боль, такое неподдельное отчаяние... Нет, это не сыграть. Этим женщинам дела нет до филологических аргументов (да они и не в состоянии в них вникнуть). Что с этим делать?

По свидетельству советника президента Снегура по национальным вопросам Виктора Гребенщикова, се-

годня и на правом, и на левом берегу национальное самосознание не устоялось. Значительная часть молдаван считают себя румынами (таких больше среди молодежи и самого старшего поколения). Люди средних лет чаще называют себя молдаванами, причем, естественно, в Приднестровье таких больше (в Румынию не входили).

Национальное неразрывно сплелось с политическим. Признание себя молдаваном «румынами» может восприниматься как признак лояльности по отношению к Приднестровью, а следовательно, говорить об ориентации на Россию в большей мере, чем на Румынию. Румынская же самоидентификация зачастую воспринимается как свидетельство приверженности идее воссоединения.

Женщины Чадыр-Лунги хотят мира. Как хотели его и год, и два назад. Будут ли услышаны их молитвы?

К чести президента и правительства Молдовы, они никак эту национально-политическую связку не провоцируют. Язык — румынский; шрифт — латинский, но «молдавская национальная государственность». Как сказал в разговоре со мной человек из снегуровского окружения: «Молдове выпал шанс, один, может быть, из ста, создать свое государство. Если мы им воспользоваться не сумеем, значит, мы его и не заслужили».

Девять процентов — мало?

Сегодня за воссоединение выступает одна сила: христианско-демократический народный фронт (это один из обломков бывшего Народного фронта Молдовы). В 1990 году «за» высказались 3 процента опрошенных. Последний опрос дал цифру 9 процентов. Всего 9! Но если такова тенденция...

На сегодняшний день ситуация открыта. Что может способствовать воссоединению? Экономический рост в Румынии. Становление румынского самосознания в Молдове. Затянувшаяся война с левым берегом — в этом случае в Румынии будут искать спасения от Москвы.

Что в наибольшей мере отталкивает от Румынии? В Молдове (пока) более высокий уровень жизни. Для тех, кто осознает себя молдаванами, вхождение в Румынию будет означать полную утрату национальной идентичности (в большей мере, чем для русскоязычных). Сегодня эти люди только-только почувствовали себя хозяевами у себя в стране, в свободной Молдове. А кем они рискуют оказаться завтра? Второсортными румынами с периферии?

Если бы воссоединение состоялось сегодня, это означало бы национальный кризис. Я спросила Гребенщикова: «По вашим оценкам, какая часть населения восприняла бы сегодня вхождение в Румынию как катастрофу? Не просто как дискомфортную ситуацию, а именно так, что либо в гроб ложиться, либо за оружие браться?» Он, подумав, ответил: «Треть». «Треть русскоязычных?» — не поняла я. «Треть населения Молдовы», — сказал он.

Русскоязычных именно такая перспектива больше всего и тревожит. Да, большинство уверено, что при ны-

нешним правительстве, при Снегуре, никто в Румынию не пойдет. Но как обернется дело через три-четыре года?

«Совсем вы нас забыли, — обижаются кишиневские русские. — Как будто нас и нет. Вам интересны Смирнов, Маракуца, Лебедь, бои... А мы не люди, выходит?» В данном случае «вы» — это журналисты. Но вообще-то мыслится шире: Россия забыла.

Нас можно понять: телеоператору эффективней снимать батальные картины, чем будничные улицы города, корреспондент получает с войны более динамичный материал... Но как не прислушаться к голосу и этим людей?

Для них вся дальнейшая судьба, да и судьба их детей, решится в ближайшие два-три года. Каково им видеть, что забота России о «правах русскоязычных» замыкается на проблеме Приднестровья? Не раз приходилось слышать, что чем решительней и громогласней в России высказываются в поддержку Приднестровья, тем трудней им жить здесь, в «коренной» Молдове.

Молдова и Австрия

Другая проблема после страха оказаться в Румынии — язык. Закон о языке вызвал к жизни движения протеста и в Гагаузии, и в Приднестровье.

«В чем дело? — возмущаются молдаване. — У нас самый либеральный закон, его просто не хотят читать». Действительно, по закону требуется минимум: к 1994 году занимающие руководящие посты и занятые в сфере обслуживания должны уметь говорить по-молдавски. От остальных ничего не требуется.

«Что, все русские — начальники? Почему они так боятся 1994 года?»

Правильно боятся. Боятся потому, что понимают: что бы ни написать в законе, если ты оказался в национальном государстве, — язык надо знать. Между прочим, никто из моих русских собеседников справедливость такого требования и не оспаривал, так что обвинения в «имперских рецидивах» напрасны. Просто не так-то легко, прожив всю жизнь в русскоязычной среде, оказаться перед перспективой стремительного погружения в румыноязычную.

Все признают: тем русским, кто знает язык, живется не в пример лучше, они не боятся потерять работу. Им завидуют, но язык учить не спешат. Хотя созданы все условия: бесплатные курсы, специальные теле- и радиопрограммы, учебники... Выжидают. Никто не знает, как еще здесь дело повернется.

Сейчас из Молдовы эмигрирует не так много русских: в 1991 году уехало 14 тысяч, приехало 10 тысяч. Большинство прекрасно отдает себе отчет: в России их не ждут. Но неуверенность в завтрашнем дне мешает осознанно и целеустремленно интегрироваться в новое государство.

Департамент просвещения, жает-

ся, делает в этой ситуации все возможное, чтобы облегчить адаптацию. Сегодня любимое слово Анатолия Моклака, руководителя кишиневского департамента просвещения, «многоязычие».

— У нас говорят: тот, кто знает один язык, — интернационалист, кто знает два, — националист, три, — сионист, а уж больше, — полиглот. Мы хотим, чтобы наши дети росли полиглотами.

Кое-где это очень неплохо получается. Например, в еврейских школах (их в Кишиневе две: светская и религиозная). Русский, румынский, иврит, английский — это обязательно. Идиш — факультативно. В кабинетах надписи на трех языках: русском, румынском, иврите. Дети справляются? Еще как! Если бы по всей Молдове с такой легкостью и готовностью переходили с одного языка на другой, как ученики этих школ...

— Вы активно создаете национальные школы: собираетесь открыть украинскую, работают немецкие, литовские, польские классы. Но главная-то проблема как раз в изучении румынского?

— Главная проблема, — отвечает Моклак, — преодолеть барьер моноязычия.

Он считает, что самое важное снять страх перед неродным языком — хотя бы у детей.

А концепция развития национальных отношений в Молдове на сегодняшний день исходит из того, что необходимо при переходе на румынский государственный язык сохранить национальную идентичность живущих в Молдове меньшинств. Именно многонациональность, если она будет определять атмосферу в государстве, может сформировать молдавское, отличное от румынского, национальное самосознание. В Европе есть яркий пример: Австрия говорит по-немецки, но кому, кроме уж самых оголтелых пангерманистов, придет сегодня в голову отрицать национально-государственную самостоятельность этой страны?

Может ли помочь своим соплеменникам Россия? Незамеченное нашей прессой решение, согласно которому абитуриенты из Молдовы имеют право бесплатно поступать и учиться в российских государственных вузах, по-видимому, успокоило молдавских русских куда больше, чем все заверения о защите их прав. У русских школ, как и у других национальных школ Молдовы, открыт счет в банке: туда перечисляются государственные ассигнования и не облагающиеся налогами пожертвования любых организаций и частных лиц. Кстати, Израиль именно таким способом «опекает» в Молдове евреев.

Без гвардейцев

Еще недавно из Кишинева в Комрат, центр Гагаузии, так просто проехать было нельзя: на въезде в Комратский район вооруженные гагаузские гвардейцы преграждали путь. Сей-

час пост снят. Снята ли сама проблема отделения?

Гагаузы начали свою борьбу тоже после принятия закона о языке, но ведут ее не за гагаузский язык. Они, как и живущие бок о бок с ними болгары, отстаивают свое право на русскоязычие. Правда, и с самого начала к движению подключились те немногие, кто еще в «застойные» времена ратовал за национальное самоопределение гагаузов, но поначалу тон задавали не они.

Дальше события развивались по логике противостояния. В ответ на обращение гагаузов к правительству Молдовы о создании гагаузской автономии в составе двух районов — Комратского и Чадырлунгского — парламент Молдовы большинством голосов порешил, что гагаузы — не народ, а этническая группа. (Один из моих собеседников-гагаузов, рассказывая об этом эпизоде, не выдержал: «Вы же понимаете, раз высший законодательный орган решил, что мы — не народ, значит, мы и не народ! Такие вопросы только голосованием и решать...») Вот тут движение стало приобретать все более выраженный национальный характер. Требования росли. В итоге в августе 1990 года съезд народных депутатов-гагаузов всех уровней провозгласил независимую от Молдовы Гагаузскую Республику в составе СССР.

Создали и свои вооруженные силы. В 1990 году Республика Молдова оказалась на грани кровопролитной войны между Кишиневом и Комратом. В последний момент правительство Молдовы удержалось от насильственных действий.

Перелом произошел после распада Союза. О полностью самостоятельной государственности сегодняшние лидеры гагаузского движения не мыслят. Хотя, разумеется, и у этой идеи есть свои сторонники. Отталкивание от Турции пока достаточно сильно, хотя гагаузский язык ближе к турецкому, чем какой-либо из современных языков. Оставалось одно: переговоры с правительством Молдовы. Благо и в Кишиневе нашлись готовые к компромиссам люди.

Сегодня правительство готово предоставить Гагаузии статус территории с особой юрисдикцией (слово «автономия» благоразумно не употребляют ни та ни другая сторона). На практике это значит: свои органы управления — законодательная и исполнительная власть, право на государственное двуязычие, право самим решать, входить ли в Румынию, если вопрос станет актуальным. Проблема снята? Если бы! Впереди сессия парламента, того самого, который уже однажды спровоцировал обострение в этом районе. Что не понравится ему в законопроекте, предложенном правительством? Какое решение примет он на этот раз большинством голосов?

И в гагаузском движении ситуация неустойчива. И, если верх там возьмут национал-радикалы, опять возникнет угроза войны.

КИШИНЕВ — ЧАДЫР-ЛУНГА — МОСКВА

Кругооборот валюты в природе

Нина Плекина

Ситуация с валютой в стране удивительная. С одной стороны, ее нет, и правительство вынуждено слезно вымаливать у западных кредиторов отсрочки по оплате ранее предоставленных кредитов и процентов по ним. С другой стороны, валюта есть и ее очень много. Подтверждение тому — цены на самое дорогое, что есть в этой стране (квартиры, дачи, автомобили, гаражи), рост которых определяется практически исключительно падением курса рубля. Это означает, что сколько-нибудь серьезного рублевого рынка этих товаров практически не существует, подавляющая их часть покупается и продается за валюту.

Учитывая, что иностранцам эти товары в собственность не очень нужны, можно не сомневаться, что основные покупатели — россияне, у которых есть либо тугие кошельки с долларами, либо мешки с рублями.

Откуда валюта приходит...

Оценить точно пути, по которым иностранная валюта поступает в страну, определить места, где она находится, и выяснить, куда она исчезает и на что тратится, практически невозможно.

Проблема заключается в том, что действуют различные механизмы регулирования обращения валюты в наличной и безналичной форме. Наряду с легальными и подпадающими учету источниками посту-

Пока рубль не превратится в СКВ, настоящие деньги будут любыми путями утекать из России

пления валюты существуют многочисленные нелегальные каналы ее притока и утечки, которые даже приблизительно оценить чрезвычайно трудно. Наконец, возникает чисто методологический вопрос: что понимать под иностранной валютой в данном случае? Только ли доллары и немецкие марки, которые признаются валютой в коммерческих ларьках, все ли 18 западных валют, считающихся конвертируемыми? Как тогда считать польские злотые, которые тоже по понятным причинам становятся у нас популярной иностранной валютой, но не являются конвертируемыми в понимании Международного валютного фонда?

Основных источников поступления иностранной валюты в страну несколько. Первый и главный из них — экспорт.

Россия вывозит товары, услуги и золото, которое тоже вроде бы является товаром, но в силу своей специфики всегда учитывается отдельно. За первые восемь месяцев текущего года экспорт товаров Россией составил 21,5 миллиарда долларов, из которых 85 процентов — экспорт за свободно конвертируемую валюту. Однако на счета российских экспортеров за тот же период поступило всего 4,4 миллиарда долларов, то есть не более четверти зарегистрированных доходов от твердовалютного экспорта. Остальная часть экспорта, хотя и учитывалась в долларах, на самом деле не привела к притоку иностранной валюты в страну, поскольку либо вывоз осуществлялся на бартерной основе, либо расчеты велись по клирингу, либо покупатель не заплатил вовремя за товар, либо

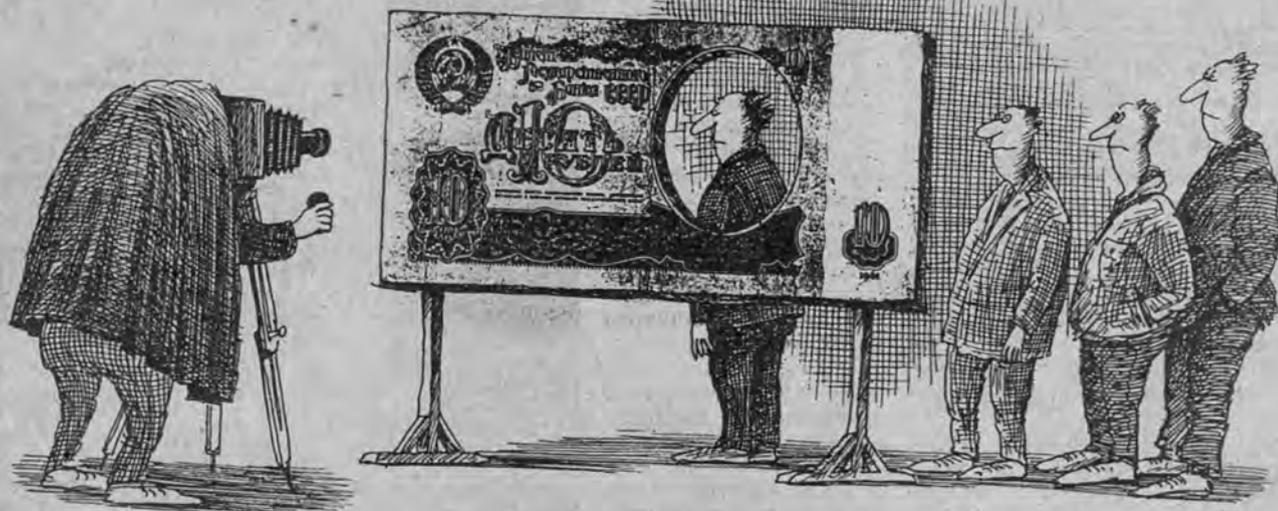

Рисунок Александра Зудина

ПОЧТА

В государственном обменном пункте валюту обменять не так-то просто

этой валютной выручкой покрыли часть долговых обязательств государства, либо ее просто укрыли за границей. Как бы то ни было, «живой» валюты от экспорта мы получаем примерно в четыре раза меньше, чем сумма самого экспорта.

Валютные доходы от экспорта услуг минимальные. За первые восемь месяцев они составили всего 340,5 миллиона долларов. Это вызывает удивление, поскольку газеты не строят сообщениями о том, как наши суда и самолеты, зафрахтованные иностранными государствами, перевозят многочисленные грузы, осуществляют уникальные транспортные операции и тому подобное. Практически совсем не развит вывоз страховых услуг, в рудиментарном

состоянии находится иностранный туризм — одна из самых доходных статей экспорта услуг многих государств мира, имеющих куда более скромную историю и культурные достопримечательности.

Экспорт золота — вопрос темный. Он всегда директивно использовался для латания брешей в торговом балансе и поэтому не поддавался прогнозированию и какому-либо научному анализу. Западные эксперты почему-то полагают, что в этом году Россия вывезет золота на один миллиард долларов, хотя на деле может оказаться все что угодно.

Второй источник — **иностранные кредиты**. Сейчас Россия получает кредиты от зарубежных правительств, частных банков и фирм и международных финансовых организаций. По официальной линии идут небольшие кредиты, предоставленные еще бывшему СССР и вновь полученные Россией. Некоторые предприятия умудряются получать еще более скромные коммерческие кредиты под покупку товаров за рубежом. Наконец, международные организации грозятся различными кредитами, которые должны быть предоставлены на конкретные цели до конца года.

Этот источник поступления валюты становится все более проблематичным в силу общей неплатежеспособности страны. Кроме того, в большинстве случаев они имеют связанный или целевой характер, то есть могут использоваться только для покупки строго оговоренных товаров или тратиться на согласованные с кредитором цели. Возможно, кое-что удастся получить с тех стран, которые должны России. Но каждый доллар придется выколачивать с большим трудом, да и потом все равно это не деньги, а слезы.

Третий источник, еще более скромный, — **иностранные инвестиции**. За все время с 1987 года, когда впервые было официально разрешено создавать компании с иностранным капиталом, по май этого года общий объем иностранных инвестиций составил всего 3,4 миллиарда долларов. Более того, если велась государственная регистрация совместных предприятий (хотя и делалось это очень небрежно), то никакого учета реально функционирующего иностранного капитала не бы-

ло до самого последнего времени.

Перспективы иностранного инвестирования в этом году весьма мрачные: их объем едва достигнет пары сотен миллионов долларов. Судить об этом можно хотя бы по сообщениям о новых предприятиях с иностранным участием, зарегистрированных правительственными органами.

Вот одно из них. Два гражданина Ливана, внося по 25 тысяч рублей каждый (меньше чем по 100 долларов!), зарегистрировали акционерное общество закрытого типа. На эти деньги они намерены развернуть торговлю оптом и в розницу, организовать свои сети магазинов, ресторанов, гостиниц и баз отдыха, а также производить сельскохозяйственную и промышленную продукцию, оказывать коммерческие и посреднические услуги. Даже если предположить, что достопочтенным бизнесменам удастся найти богатых спонсоров, то все равно это далеко не те иностранные инвестиции, которые нужны России. И таких совместных предприятий, к сожалению, подавляющее большинство.

Наконец, последний источник, который в отличие от вышеназванных дает **приток наличной валюты**. Наиболее доходной статьей здесь является незаконный вывоз сырьевых товаров. Печать сообщала об угонах целых железнодорожных составов с нефтью в Прибалтику, откуда она идет напрямик на Запад. Отсутствие таможенных границ со странами ближнего зарубежья де-

Но можно обратиться в частную лавочку...

лает возможным вывоз из России практически любых товаров, которые немедленно перепродаются за твердую валюту, а платежи нередко производятся наличными, чтобы избежать налогов и регистрации. Сама однажды наблюдала доморощенного бизнесмена, нервно перекалывавшего из кармана в карман толстую пачку стодолларовых банкнот перед пунктом таможенного контроля в Шереметьево. Солидный американец, стоявший рядом, был очень удивлен и сказал, что никогда в жизни не держал в руках такого количества долларов наличными. Наш бизнесмен, перехватив его измученный взгляд, объяснил на плохом английском, что это его экспортная выручка от вывоза лома цветных металлов.

По некоторым оценкам, такой нелегальный экспорт дает один миллиард долларов в месяц.

Наличная валюта попадает в страну также в результате так называемого «делового туризма» — вывоза нашими гражданами всего, что можно продать, в близлежащие страны и реализации этого на тамошних барахолках. Помогает в этом деле и иностранцы (главным образом вьетнамцы), везущие российский товар за рубеж в экспортных количествах и приезжающие назад с долларами в карманах. Считается, что только из одной Польши наши сограждане привозят около одного миллиарда долларов в год наличными.

Валюту привозят в страну и иностранные туристы, бизнесмены, сотрудники дипломатических и иных представительств, которые тратят ее здесь. Обменивают на рубли в банке или чаще на улице, поражаясь тому, как все дешево (40-литровый бак бензина для автомобиля — 1000 рублей, или 3 доллара (!); обед на четверых до отвала с икрой, выпивкой и закуской — 12 000 рублей, или 40 долларов (!). Либо пользуются услугами валютных магазинов, поражаясь тому, как там все дорого, а также оплачивая «зелеными» разного рода уличный или гостиничный «сервис».

Наконец, еще один источник наличной валюты — зарплата в долларах, которые получают многие россияне, работающие в инопредставительствах или просто имеющие настолько большие доходы в рублях, что позволяют себе превращать их часть в доллары даже по сегодняшнему безумному курсу. По оценкам, в России по меньшей мере три миллиона человек зарабатывают в среднем от 500 до 1000 долларов в месяц, причем 3 процента из них получают более двух тысяч долларов в месяц.

...где она оседает...

После того как иностранная валюта попадает в Россию, она может оказаться в самых различных местах. Прежде всего это **Центральный**

Рисунок Александра Зудина

банк, одной из функций которого является распоряжение валютными ценностями.

Под валютными ценностями в соответствии с действующим законодательством понимаются собственно иностранная валюта, ценные бумаги в иностранной валюте (чеки, векселя, аккредитивы), фондовые ценности (акции, облигации), драгоценные металлы (золото, серебро, платина и металлы платиновой группы в любом виде и состоянии, за исключением ювелирных изделий), природные драгоценные камни (алмазы, рубины, изумруды, сапфиры и alexandrites в сыром и обработанном виде, а также жемчуг, за исключением ювелирных и бытовых изделий). Все эти ценности составляют валютные активы Центрального банка, которые могут быть размещены как в хранилищах внутри страны, так и на депозитах за рубежом, о которых широкой публике ничего толком не известно.

Главным источником пополнения валютных активов Центрального банка является обязательная продажа предприятиями-экспортерами части валютной выручки в государственный валютный резерв.

В первом полугодии все экспортеры были обязаны продавать половину своей валютной выручки — 40 процентов в республиканский валютный резерв и 10 — в фонд стабилизации рубля. Со второго полугодия не-

посредственно банку продается 30 процентов валютной выручки, а остальные 20 — на свободном валютном рынке. За восемь месяцев объем продаж валюты Центральному банку экспортерами составил 862,4 миллиона долларов, причем львиная часть этой суммы была израсходована в первом полугодии на поддержание курса рубля на валютной бирже.

Другим местом, где сосредоточивается валюта, являются **коммерческие банки**. Они также имеют активы в иностранной валюте, в них открыты валютные счета российских предприятий и некоторых наиболее смелых российских граждан.

В условиях неясности валютного законодательства и труднопредсказуемых действий правительства и Центрального банка многие предприятия и физические лица предпочитают хранить «зеленые» на счетах в **зарубежных банках**. Это противоречит действующему законодательству, по которому иметь валюту за рубежом можно только для совершения конкретной сделки или на время пребывания в зарубежной командировке. По завершении своих дел за границей все россияне должны закрыть свои валютные счета и перевести деньги в один из российских банков.

На практике, однако, проверить соблюдение этого правила невозможно. По оценкам министерства внешних экономических связей, российские предприятия имеют за рубежом по меньшей мере 6–8 миллиардов долларов, причем 30–35 процентов от этой суммы было переведено в этом году. Правда, большая часть этих депозитов используется для оплаты последующего импорта товаров, однако все равно они являются нелегальными, поскольку уводятся из-под налогообложения.

Что касается счетов частных лиц, открытых на Западе, то суммы, находящиеся там, не так уж и велики. По оценкам, 150–200 тысяч россиян открыли счета в западных банках. Причем в условиях, когда, имея деньги на Западе, перевести их в Россию цивилизованным путем практически невозможно, держать большие суммы там практически нецелесообразно. Большинство счетов не превышают 1,5–2 тысячи долларов. Правда, надо учесть, что примерно у 20 тысяч россиян имеются западные кредитные карточки, это означает, что на текущем счете у них не меньше 20 тысяч долларов.

Наконец, весьма распространенным для нашей страны и, кстати говоря, для многих восточных стран способом хранения валюты является ее размещение в чулке, поске или другом предмете домашнего гардероба.

Россияне перестали окончатель-

но доверять банкам после банкротства Внешэкономбанка, который многие годы был единственным советским банком, уполномоченным открывать валютные счета. В конце прошлого года некие «умные» головы додумались заморозить в общем-то грошовой на тот момент валютные счета советских людей, полагая, что эти копейки помогут исправить ситуацию с оплатой внешней задолженности. Результат не заставил себя долго ждать: начался отток валютных средств частных лиц из банков.

Как свидетельствуют опросы общественного мнения, подавляющее большинство россиян предпочитают держать «зеленые» дома. Причем если три года назад только один процент граждан располагал валютой, то сегодня по меньшей мере 19 процентов россиян имели валюту раньше, имеют ее сейчас или по крайней мере знают, как она выглядит и где ее можно купить.

...и куда девается

Направления расходования валютных средств также весьма разнообразны. Главный пожиратель валюты — импорт.

За восемь месяцев он составил 21,7 миллиарда долларов, за 91 процент из которых пришлось платить твердой валютой. Подавляющая часть ввозимых товаров — так называемый централизованный импорт — оплачивалась государством из валютных резервов, которые состоят практически полностью из вновь получаемых кредитов. Предприятия истратили на импорт всего 1,8 миллиарда долларов. Пришлось заплатить 364,8 миллиона долларов и за импорт услуг. Эти платежи практически полностью перекрывают все имеющиеся твердовалютные доходы от экспорта. Задача состоит в том, чтобы торговый баланс хотя бы не сводился к отрицательным салдо. О какой-то твердовалютной прибыли в бюджете вообще говорить не приходится.

Очень крупная статья расходов СКВ — платежи по обслуживанию внешнего долга. В этом году после всех отсрочек надо платить 11 миллиардов долларов, а реально заплачено только 1,1 миллиарда. Ни одна из бывших республик СССР не погашает своей доли внешнего долга. России приходится расхлебывать эту кашу самой.

Ежегодно приходится выделять несколько сотен миллионов долларов для взносов в международные организации, членами которых является Россия. Есть у нас задолженность перед ООН, надо платить в МВФ, Мировой банк, Европейский банк реконструкции и развития, другие организации, которых насчитывается несколько десятков. Россия участвует в оказании гумани-

тарной помощи другим странам, а это тоже твердая валюта. Отказаться от этих относительно небольших платежей — значит изолировать себя от мирового сообщества.

Наконец, наиболее тревожной статьёй расхода валюты является то, что в международной практике называется бегством капитала. Это явление типично для большинства развивающихся стран, а также для государств, где правительство проводит неразумную валютную и налоговую политику.

Существует общее правило: чем выше налоги, тем интенсивней бегство капитала. В случае с ва-

За пять лет иностранные инвестиции составили всего три с половиной миллиарда долларов. В этом году в российскую экономику зарубежные предприниматели вложат лишь двести миллионов долларов

лютой функцию налога выполняет законодательное требование государства об обязательной продаже части долларовой выручки экспортерами. Поскольку экспортеры были вынуждены продавать почти половину своей валютной выручки по так называемому коммерческому курсу, который был явно занижен, бегство капитала уже приобрело большие масштабы. Сейчас, когда президент сказал о возможном введении 100-процентной продажи валютной выручки, а чиновники поговаривают о вероятном закрытии валютных счетов предприятий в банках, масштабы бегства капитала могут увеличиться.

Каналы оттока капитала вполне понятны. Во-первых, примерно 10 процентов экспортных доходов не переводится в Россию под предлогом того, что импортер российских товаров якобы отказался их оплатить. На самом деле оплата происходит, только деньги остаются на счетах в западных банках. Во-вторых, во внешней торговле России стали широко использоваться давно известные из практики транснациональных корпораций трансфертные цены, то есть завышение стоимости импортируемых товаров и занижение стоимости экспортируемых... На самом деле расчеты происходят по правильным рыночным ценам, а полу-

ченная разница остается на счете российского предприятия за рубежом.

Считается, что цены на экспорт российских коммерческих структур занижены, а на импорт завышены на 10–15 процентов. Тем самым за рубеж переводится примерно 300–500 миллионов долларов в год.

В-третьих, широкое распространение получили авансовые платежи по импортным контрактам. После того как суммы в валюте получаются западным партнером российских предприятий, они просто кладутся на их счета, товаров не поставляется, а контракт считается разорванным. Примерно 200–350 миллионов долларов уходит из страны этим путем ежегодно.

Наконец, достаточно открыть любую газету объявлений, чтобы обнаружить еще один канал утечки капитала. Эмигранты, уезжающие за рубеж на постоянное местожительство, продают свои квартиры, гаражи, дачи за твердую валюту с тем условием, что соответствующие суммы будут зачислены на их счета в западных банках, то есть так, чтобы крупные суммы в валюте не приходилось везти с собой через границу. Такие операции приобрели столь большой размах, что их объем оценивается в один миллиард в год.

Учитывая, что по депозитам в иностранных банках платится процент (причем позитивный процент, превышающий темп инфляции), то, по самым пессимистическим оценкам, ежегодное бегство капитала во всех этих формах можно оценить в 4–5 миллиардов долларов. Если же учесть нелегальный экспорт, всевозможную контрабанду, то, вероятно, эту цифру надо по меньшей мере утроить.

Таким образом, иностранная валюта, попадая в Россию, совершает замысловатый кругооборот, точно проследить который ни экономическими, ни тем более полицейскими средствами не удается.

В последнее время эта непростая проблема еще более усложнилась с введением некоторыми бывшими советскими республиками собственных валют, которые тоже стали для России иностранными. Думаю, что не следует стремиться запереть все существующие валютные потоки в законодательные рамки. Это просто невозможно. Правительство должно сделать одно: превратить рубль в привлекательную валюту, обладать которой в России окажется выгодней, чем долларами или марками. Тогда большинство остальных проблем отпадут сами по себе.

Фото А. Куденко

Сербский вопрос

в запутанном клубке югославских противоречий

Геннадий Сысов,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Сербам, как, пожалуй, ни одной нации, свойственно чувство исторического трагизма. Вот и сейчас, когда из-за санкций ООН жизнь в Белграде с каждым днем становится все более трудной, многие мрачно утверждают: «Что поделаешь? Весь мир против нас. Все хотят уничтожить Сербию, потому что она ни перед кем не падает на колени. Отделившихся Словению, Хорватию, Боснию и Герцеговину все сразу же признали, а нас исключили из ООН. В Боснии зверствуют и мусульмане, и хорваты, а мир наказывает только сербов. Мы, получается, всем мешаем. Как камень на дороге...»

Упущенные возможности

«Сербский вопрос» напомнил о себе во весь голос, когда стало ясно, что югославский брак сохранить не удастся и что развод неизбежен. Вначале Словения и Хорватия, а затем Македония и Босния решили перечеркнуть свое югославское прошлое. Такой расклад менее всего устраивал Сербию, которая заявила, что в случае распада Югославии сербы сохраняют за собой право остаться в одном государстве. Другими словами, жаждущие независимости республики могут уходить, но... без территорий, населенных сербами.

Выраженное сербами желание жить в одном государстве объяснимо. На протяжении веков сербский народ был поделен между различными странами: часть его находилась под властью турок, часть — в австро-венгерской монар-

хии. В 1918 году, после поражения держав Тройственного союза в первой мировой войне, эта многовековая мечта сербов была близка к осуществлению. Но, отказавшись тогда от идеи национального государства, сербы пошли на создание многонационального королевства южных славян. Сегодня многие в Сербии считают это ошибкой, ибо наибольшую выгоду от создания Югославии извлекли хорваты и словенцы, получившие в ее рамках государственность, которой ранее не имели.

Еще одно поражение идея Великой Сербии потерпела после того, как партизаны Броз Тито взяли верх над сербскими четниками Драже Михайловича в годы второй мировой войны. В новой социалистической Югославии около двух миллионов сербов оказались вне Сербии, в других республиках.

Сегодня сербы винят в своих бедах

Тито, который якобы сознательно ущемлял Сербию. Эти обвинения справедливы лишь отчасти. Тактика первого и последнего президента СФРЮ состояла в том, чтобы не дать какой-либо одной республике стать гегемоном в югославской федерации. Поскольку Сербия была крупнейшей республикой, Тито не разрешал «высовываться» прежде всего ей. Сербия получила два автономных края — Воеводину и Косово, которые постепенно стали самостоятельными федеральными единицами. Когда национализм начал вытеснять коммунистическую идеологию, а республики СФРЮ на границах с соседями вместо мостов начали строить заборы, сербы забили тревогу.

В 1987 году появился знаменитый «Меморандум о сербском вопросе» Сербской академии наук и искусств (САНУ). Одним из его создателей был нынешний президент Югосла-

Беженцы из Боснии появились уже в Венгрии...

Фото МТИ-ИТАР-ТАСС

вии Добрица Чосич. Сегодня этот документ оценивают по-разному. Одни называют его «концепцией возрождения сербства», другие сравнивают с гитлеровским «Майн кампф». Тем не менее все признают, что меморандум САНУ остро поставил вопрос о положении сербов в югославской федерации. В документе констатировались притеснение сербов в Косово, где они из большинства превратились в меньшинство, ущемление их прав в Хорватии, расчлененность сербских земель на три части, экономическое неравноправие Сербии в СФРЮ, где ей все более отводилась роль сырьевой базы.

С приходом к власти в Сербии в сентябре 1987 года Слободана Милошевича теоретические положения меморандума стали основой государственной политики Белграда. Поскольку курс на обновление и укрепление югославской федерации встретил возрастающее сопротивление республиканских элит, почувствовавших вкус самостоятельности, и стало ясно, что удержать «взбунтовавшиеся республики» в границах СФРЮ не удастся, Белград, отказавшись от попыток сохранить Югославию, выдвинул лозунг «Все сербы в одном государстве!».

Ставка на силу

Следует, правда, сразу же сказать, что и новые власти отделившихся республик, в первую очередь Хорватии и Боснии, немало сделали для того, чтобы превратить жителей сербских районов этих республик в националистов, стремящихся к воссоединению с Сербией. Сербам там, по сути, предлагалось отказаться от своей национальности и вероисповедания, ассимилироваться. Разумеется, это было неприемлемо для сербов, в сознании которых еще были живы воспоминания о геноциде в годы второй мировой войны, когда усташи в маринеточной «независимой Хорватии» выполняли сходную установку своего фюрера Анте Павелича: треть сербов похоронить, треть — выселить, треть — обратить в католиков. Поэтому лозунг Белграда о «государстве всех сербов» пал на благодатную почву. Поддержала его и бывшая Югославская народная армия, во всяком случае ее численно подавляющий сербский контингент. Армия быстро перешла от попыток сдерживать и примирить противоборствующие стороны к прямой поддержке взявшегося за оружие сербского населения отделившихся республик. Это была роковая ошибка.

У Белграда была возможность бороться за права братьев по крови, оказавшихся за пределами Сербии, политическими средствами, подключив к этому мировое сообщество. В этом случае сегодня Белград и Загреб наверняка поменялись бы местами: под гнетом санкций оказалась бы Хорватия. Однако Сербия реши-

ла реализовать свои цели силой оружия. И если во время войны в Хорватии мир занимал выжидательную позицию, то после начала кровопролития в Боснии мировое сообщество встало на антисербскую сторону. Причем, когда Европа указала на сербов как на главных виновников войны, она безусловно пошла на известное упрощение сути конфликта, который был представлен как война «белых» против «черных». Европейцы не особо пытались понять, что «черноты» хватает на каждой из сторон. Логика Европы была проста. Хорватская война велась на территории Хорватии — значит, агрессор ЮНА и сербы. В Боснии сербы вооружены лучше остальных, заняли больше других территорий — стало быть, они главный виновник. Мало кто был готов слушать аргументы Белграда, якобы война идет за исторические сербские земли. Тем более что Европа твердо высказалась против перекройки границ между республиками в бывших восточных федерациях, ибо это грозило хаосом всему старому континенту.

Делая ставку на силу, в Белграде не учли, что силовое решение могло бы иметь шанс на успех, если бы какая-либо из великих держав стояла за спиной Сербии. Но сегодня в Европе и мире политический расклад иной: играть на противоречиях между великими стало бессмысленно.

Ставка на силу без учета современных реалий обернулась поражением. Продолжающаяся уже больше года война границ не изменила. Идея силового объединения всех сербских земель оказалась опасной утопией. Зато на кладбищах в разных краях бывшей Югославии заметно прибавилось обелисков с фотографиями двадцатилетних юнцов. Появилось более двух миллионов беженцев. Многие сербские районы в Хорватии и Боснии стали напоминать послевоенный Сталинград. Жизнь там будет нормализована не скоро. А возникшие в этих краях с благословения Белграда отнюдь не демократические государственные структуры сами оказывают давление на Серию, призывая ее придерживаться жесткой линии в отношениях с Европой.

С дубинкой против танка?

Сегодня Сербия поставлена перед дилеммой: принять требования международного сообщества и освободиться от санкций либо действовать по принципу «проживем и сами». За первый вариант выступает руководство Союзной республики Югославия — премьер Панич и президент Чосич. Второй — отстаивают сторонники жесткого курса в правящей в Сербии социал-демократии и радикалы В.Шешеля, которого в Белграде иногда сравнивают с Жириновским.

Тандем Чосич—Панич придерживается простой логики: глупо противостоять всему миру, только снятие санкций может спасти Серию от катастрофы. Для этого можно и нужно идти на уступки. Логика противников федерального руководства, к которым все более примыкает и президент Сербии Милошевич, столь же проста: лучше достойно погибнуть, нежели уступить диктату. Если Сербии хотят уничтожить, говорят многие из них, Европа получит несколько сотен тысяч новых палестинцев, которые станут напоминать о себе взрывами самолетов и вокзалов.

Приверженцы жесткой линии пользуются в Сербии немалой поддержкой, пожалуй, даже большей, нежели федеральный тандем. В сознании сербов широко распространено специфическое представление о героизме, которое вместе с чувством исторического трагизма определяет психологию многих. Простой пример: на человека, вооруженного дубинкой, движется танк. Что должен предпринять человек? Большинство скажет: отойти в сторону, укрыться и постараться обзавестись более подходящим оружием. Но многие сербы предпочитают подойти к танку и ударить по нему дубинкой. Неважно, что танк раздавит смельчака, зато о нем будут потом слагать песни.

Такое понимание героизма объяснимо на бытовом уровне. Но в государственной политике оно явно неприемлемо. Задача политика состоит не в том, чтобы с честью погубить страну, а в том, чтобы спасти ее.

Сторонники конфронтации говорят: «Мы не можем бросить своих братьев в Хорватии и Боснии». Противники согласны: правильно, не надо бросать. Но за права братьев Сербия сможет эффективно бороться, только вернув себе равноправное положение в международном сообществе. Попытки же противостоять всему миру могут обернуться тяжелым поражением: Сербия потеряет Косово, часть Воеводины, мусульманский Санджак. И тогда она уже точно не поможет сербам в Хорватии и Боснии. А без ее поддержки западные сербы вряд ли чего-то смогут добиться сами.

В клубке противоречий, который югославские народы, не сумев развязать, решили разрубить, «сербский вопрос» занимает ключевое место. Он в определенной степени способствовал обострению югославского кризиса. Без его разрешения не наступит и окончательная развязка на Балканах. Причем без разрешения демократического. У Сербии есть хорошая возможность стать второй Швейцарией. А это, видимо, более привлекательно, нежели перспектива стать второй Палестиной.

БЕЛГРАД

Глобальная игра на постимперской сцене

Евгений Русаков,
собственный корреспондент
«Нового времени»

Пора имперского величия прошла. Приходит время «мирового концерта»

Еще три-четыре года (как и три-четыре тысячелетия) назад проблема национальной безопасности выглядела прямолинейной до примитивности. «Сила, применяемая с определенной целью во внешней политике и во внешних сношениях, — разъясняли последователи школы «политического реализма» Н. Паделфорд и Дж. Линкольн, — составляет существо мировой политики». Основал эту крупнейшую школу в области теории международных отношений Ганс Моргентау, бежавший из нацистской Германии в Америку. Он назвал суть своей теории по-немецки — «реальполитик».

Коммандос против Бундесбанка

После официального решения Вашингтона в марте 1947 года вступить в «холодную войну» с коммунистической империей теорети-

ческая мысль была переведена на язык государственного документа «Законом о национальной безопасности», одобренным в июле того же года. Хотя речь шла о создании Совета безопасности, ЦРУ и министерства обороны, в нем было сформулировано само понятие «национальная безопасность», интегрирующее внешнюю, внутреннюю и военную политику под углом оценки «целей, обязательств и степени риска Соединенных Штатов в связи с нашей нынешней и потенциальной военной силой».

Один из столпов, на которых зиждется «политический реализм», — принцип баланса сил. Он подразумевает создание благоприятного для себя соотношения мощи как за счет наращивания мускулов, так и уравновешивания потенциальных гегемонов их региональными соперниками. Или, как выразился профессор Колумбийского университета Барнетт Рубин, «выявление угроз и поиск партнеров для борьбы с ними».

В постсоветскую эпоху поиски субстанции национальной безопасности в Америке временами переходят в лихорадочные попытки найти новые внешние угрозы.

Безусловно, более сбалансированный

Этих российских танков в Восточной Европе уже нет. Последние боевые части армии России покинули Чехо-Словакию и Венгрию в 1991, Польшу — в октябре 1992 года

Фото из журнала «Ньюсуик» (США)

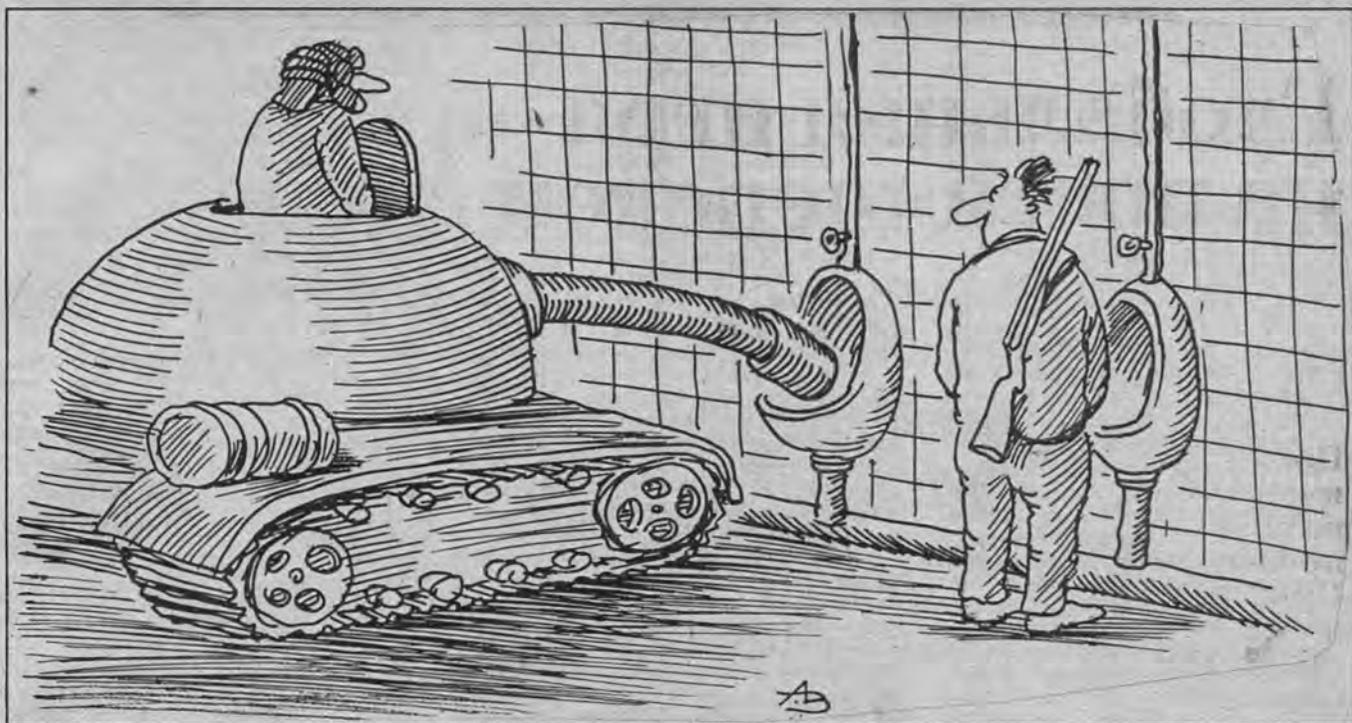

Рисунок Александра Зудина

подход к факторам, влияющим на безопасность, имеет свои плюсы: наконец всерьез задумались о распространении оружия массового уничтожения, локальных конфликтах, не связанных с борьбой сверхдержав, и даже о глобальных проблемах — экологических, энергетических, продовольственных.

Нельзя не видеть резкое усиление экономических и технологических факторов обеспечения национальной безопасности. Их важность продемонстрировала вся история, особенно империй — от Римской до советской, буквально завалившейся под непосильной военной ношей.

Многое меняют триумфальное шествие информационной революции и ускоряющаяся интеграция мировой экономики. Показательная демонстрация «сверхмощного оружия» во время войны против Ирака лишней раз подтвердила громадное значение передовой технологической базы.

В 80-е годы мировая экономика сделала еще один гигантский шаг. Благодаря современным компьютерам и оптоволоконным коммуникациям стали единым целым и финансовые рынки, и фондовые биржи от Нью-Йорка до Лондона и Токио. Блестящим примером взаимозависимости мировой рыночной экономики стали разразившийся валютный кризис в Европе и ослабление доллара по отношению к германской марке в связи с высокой учетной ставкой Бундесбанка.

«Сила нации в новую эпоху будет определяться не только военными кораблями, танками и самолетами, но и дипломами, патентами и уровнем зарплаты. Восстановление экономического динамизма Америки будет моим первым внешнеполити-

ческим приоритетом», — заявляет кандидат в президенты от демократической партии Билл Клинтон.

Но при бухгалтерском подсчете угроз национальной безопасности подстерегает опасность их слишком расширительного толкования и расплытия сил. Попробуйте-ка найти ответ на вопрос, считать ли Бундесбанк внешней угрозой Америке, и если да, то посылать ли командос для ликвидации этой «угрозы».

Особенно отличился на этом поприще Пентагон, в недрах которого родился примечательный документ «Руководство к оборонному планированию». Там расписывались вероятные сценарии региональных конфликтов в различных частях мира — агрессии Ирака и Северной Кореи, вплоть до вторжения России в Литву.

«Наша главная задача в предотвращении возрождения нового соперника — на территории бывшего Советского Союза или в любом другом месте, который представлял бы угрозу такого же порядка, как бывший Советский Союз... Мы должны предотвратить господство любой враждебной державы в любом регионе, единый контроль над ресурсами которого позволил бы создать глобальную мощь», — говорилось в этом философском наброске. В борьбе с региональными гегемонами (а в их число, как прозрачно намекалось, могут попасть и Германия с Японией) Пентагон отводил себе привычную роль обладателя самой большой военной силы.

Оркестру нужен дирижер

Несмотря на вырвавшуюся наружу огненную лаву пылавшей подспудно

межнациональной вражды, сейчас сложилась уникальная в мировой истории благоприятная международная ситуация. Впервые за полтора века великие державы не видят военную угрозу друг в друге. Более того, они исповедуют единые политические и экономические ценности, что в принципе создает перспективу устранения даже потенциальной возможности военного противостояния между ними. Особняком стоит Китай, но ему не под силу тягаться с остальным миром и он быстрее России становится частью мирового хозяйства.

«Нужно по-новому подойти к международной политике, возродить в мировом масштабе «европейский концерт посленаполеоновских времен», — сказал мне директор Института проблем безопасности Востока и Запада Джон Мроз.

По мнению профессора Калифорнийского университета Ричарда Росенкранса, лежавшее в основе «венской системы», особенно в 1815–1822 годах, успешное «правление центральной коалиции» зиждилось на том, что великие державы «пришли к согласию о том, что предотвращение войны важнее приобретения для любого отдельного игрока».

Ряд американских специалистов, особенно среди демократов, считают, что основой нового мирового порядка должна быть «центральная коалиция» как наиболее эффективная и наименее дорогостоящая система международных отношений, обеспечивающая мир и международную стабильность.

Конечно, это очень общая идея, возможны различные варианты,

очевидны трудности, вероятно ворчание не попавших в «концерт» игроков. Современному директорату ведущих держав, как и его предшественникам, тоже угрожали бы изоляционизм, идеологические различия (к примеру, между полувестернизированной Японией и Америкой) и возможное возрождение территориальных амбиций некоторых основных игроков.

Однако новая «венская система» возникла бы не на пустом месте.

Совет Безопасности ООН уже сейчас в определенной степени выполняет функции дирижера нового «мирового концерта», причем здесь существует удачное сочетание великих держав — постоянных членов — и представителей других государств — непостоянных членов. На счету многонациональной коалиции, действовавшей по мандату ООН, — блестящий успех в изгнании иракских агрессоров из Кувейта. При всех слабостях и неудачах ООН и ЕС в бывшей Югославии нельзя не видеть огромные потенциальные возможности «концертного» подхода к конфликтным ситуациям в различных уголках мира.

Своего рода зачатки директората существуют и в международной экономике — «большая семерка», Международный валютный фонд, Всемирный банк, в более широком плане — ГАТТ и другие институты.

«Реальполитик»? В архив!

Сложность нынешней ситуации в мировой политике заключается в том, что сейчас не ясно, куда повернет Америка, куда повернет мир — в сторону прежней концепции баланса сил или в сторону «концерта» ведущих держав.

А от этого во многом зависят приоритеты национальной безопасности.

При стремлении сохранить баланс сил большее значение имеют военный потенциал каждого государства, особенно крупного, упор на сдерживание влияния и уравнивание региональных «сверхдержав», в том числе экономических.

Создание «центральной коалиции» дает возможность надежного обеспечения национальной безопасности при сохранении оснащенного по последнему слову военной технологии, высокопрофессионального, но меньшего по масштабам боевого костяка.

Особое значение приобретает международная экономическая стабильность, подрыв которой был бы чреват развалом «концерта». Возрастает важность борьбы с глобальными угрозами — энергетическими, экологическими, демографическими, продовольственными и так далее. Только успехи в такой борьбе обеспечили бы признание «концерта» развивающимися странами. Проблема защиты от реальной военной угрозы или угрозы территориальной целостности могла бы практически отпасть.

По мнению большинства американских специалистов, несмотря на дезавуирование одностороннего пентагоновского варианта «реальполитик», нынешняя администрация остается приверженной «политическому реализму».

«К сожалению, американское политическое мышление по-прежнему зиждется в основном на устаревших концепциях баланса сил, уравнивании и противопоставлении одних стран или групп стран другим — будь то экономических гигантов ЕС и Японии, Индии и Китая или исполна «третьего мира» — Бразилии», — сказал Джон Мроз.

Ближе к идее «мирового концерта» демократических государств стоит кандидат демократов Билл Клинтон, отвергающий принцип баланса сил. По его словам, «вторым императивом президентского лидера в новую эру является оказание поддержки мощному глобальному движению к демократии и рыночным экономикам. Эта задача соединяет в себе наши стратегические интересы и наши нравственные ценности».

Нетипичный случай

По-разному трактуется приверженцами демократической коалиции и сторонниками баланса сил и «мир по-американски».

В мировой истории был один нетипичный случай, когда единственная держава правила всей ойкуменой. Эту примитивную, как пифагоровский треугольник, архитектуру международных отношений окрестили «пакс романа» — «римский мир».

Нравится это или нет, но сейчас лидером является Америка. США помогли возродиться Германии и Японии и всей Западной Европе. Их признали и признают лидером экономические гиганты Германии и Японии, бывшая владелица крупнейшей империи Великобритания и — несмотря на все фрондерство — «прекрасная Франция». Лидерство Америки не глядя признали все бывшие советские «национальные» республики. Де-факто — такое полупризнание сделала, как мне представляется, и Россия.

Это признание реальностей мировой политики и трезвого понимания национальных интересов России.

Конечно, в Америке остаются любители «американского мира» на манер римских императоров. В уже упоминавшемся пентагоновском документе говорилось: «США должны продемонстрировать необходимое лидерство для установления и защиты нового порядка, который давал бы возможность убедить потенциальных соперников не добиваться усиления их роли или проводить более агрессивную политику...»

К счастью, у большинства американцев, даже приверженцев баланса сил, хватало и хватает если не ума, то практической сметки не считать, что лидерство равноценно праву быть хозяином. После падения советской

империи руководящая роль Америки понимается как право быть первым среди равных. Тут уж Вашингтону приходится унимать свою гордыню и считаться с реальностями мировой политики — и особенно экономики.

Национальная безопасность России и определение приоритетов угроз для нее, естественно, тоже зависят от того, куда повернется мировая политика. Невооруженным глазом видно, что интересам России и ее национальной безопасности отвечал бы «мировой концерт» демократических государств. В нем она даже при ее нынешнем состоянии «большого человека» планеты действительно «обречена быть великой». Ядерный статус, геостратегическое положение громадной евразийской державы, постоянное место в Совете Безопасности ООН, влияние в бывших окраинах империи, природные богатства обеспечивают ей место в «концерте».

Если же исходить из старой концепции баланса сил, то Россия обречена быть лишь великой региональной державой в соприкасающихся с ней регионах и в Совете Безопасности ООН. Тогда и маленькая, но строптивая Эстония, настаивающая на возврате к старым границам, будет казаться угрозой национальной безопасности.

Яд и противоядие

Пока же «дуга нестабильности» буквально подpiraет Россию и создает угрозы ее безопасности. Эта дуга протянулась от Таджикистана и Афганистана через Кавказ и Ирак к Молдове и Балканам. В такой ситуации у России (не говоря уже о вышедшем в мир «ближнем зарубежье») по неволе остается не так уж много возможностей действовать за пределами традиционных методов — по существу, в рамках «реальполитик». При этом, по моим наблюдениям, и мировое сообщество, и Америка самым большим вкладом Москвы в обеспечение международной стабильности считали бы наведение порядка в самой России и помощь в ликвидации очагов войны на ее бывших окраинах.

Одна из вечных проблем понимания национальной безопасности, особенно в нашем государстве всезнающих любителей, — это абсолютная уверенность в том, что со своей колокольни все видно. Упование на голую военную силу прозрачно, а лебединые песни генералов, готовых, как в 1941 году, защищать Приднестровье, несут в себе осязаемую угрозу, в том числе для национальной безопасности России. Но и ожидания российских дипломатов, что они смогут двигать мировую политику улыбками, по меньшей мере наивны.

Национальная безопасность — понятие интегрирующее. Если дебаты о ней сведутся к взаимным упрекам в «национальном предательстве», толку не будет.

НЬЮ-ЙОРК

Острова раздоров

За одно десятилетие в этом регионе разыгрались две войны: сначала Ирана с Ираком, а затем Ирака с Кувейтом. Едва стихли пушки, а на пороге — контуры третьего взрыва

Н а сей раз война может вспыхнуть между Ираном и большинством стран — членом Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (в ССАГПЗ входят Саудовская Аравия, Кувейт, Объединенные Арабские Эмираты, Бахрейн, Катар и Оман). Главный очаг напряженности — острова Абу-Муса и Большой и Малый Тонбы, находившиеся до последнего времени в совместном управлении ОАЭ и Ирана.

Минуло уже более 20 лет, как Великобритания ушла из этих краев, а острова Персидского залива по-прежнему остаются яблоком раздора между соседними государствами.

В центре событий последних месяцев оказался остров Абу-Муса, расположенный в 56 километрах от берегов ОАЭ и в 70 километрах — от Ирана. Статус стратегически важного острова необычен: формальный суверенитет над Абу-Муса осуществляет правитель эмирата Шарджа, а над Большим и Малым Тонбами — правитель эмирата Рас-эль-Хайма. Оба эмирата входят сегодня в федерацию ОАЭ.

В свою очередь, Иран по компромиссу 1971 года получил право сохранить свои воинские контингенты на островах. Доходы от добычи нефти на Абу-Муса делились поровну между сторонами. Жители острова (около 2000 человек) в своем большинстве считались гражданами Эмиратов. Иностранцы рабочие (как правило, индийцы) обеспечивали функционирование ряда предприятий. Иранские подразделения «стражей революции» использовали остров Абу-Муса преимущественно в военных целях в период войны с Ираком, а также для контроля над линиями международного судоходства.

Такой порядок действовал до весны этого года. И вдруг уже в этом году по окончании священного для мусульман месяца рамазан иранские власти в одностороннем порядке закрыли иностранным рабочим визы на пребывание на данной территории. Остановились предприятия, и коренные жители — граждане ОАЭ — также оказались вынужденными последовать на материк. Недавние переговоры между враждующими сторонами завершились безрезультатно. Теперь Объединенные Арабские Эмираты передали этот вопрос на обсуждение ООН.

Совершенно очевидно, что Иран сегодня пыгается воспользоваться поражением Ирака в недавней войне в Заливе и погруженностью арабских со-

седей в собственные проблемы для утверждения себя в качестве региональной державы. Благоприятствует этому, с точки зрения Тегерана, и то обстоятельство, что наконец-то в 1991 году ООН устами уходящего в отставку Генерального секретаря Переса де Куэльяра признала Ирак агрессором в войне с Ираном. В Тегеране не забыли, что одной из провозглашенных тогда Саддамом Хусейном целей было возвращение ОАЭ остро-

Президент Ирана Хашеми-Рафсанджани не прочь прибрать к рукам остров Абу-Муса

Фото из журнала «Шпигель» (Германия)

вов Абу-Муса и Большого и Малого Тонб. Теперь, мол, «жертва агрессии» Иран вправе получить компенсацию в виде нескольких островов в Заливе.

Претензии Ирана поддерживает одна из арабских стран — Судан, выступившая тем самым против своих братьев-арабов. Причина этого непонятного на первый взгляд альянса очевидна: и в Хартуме, и в Тегеране у власти находятся исламские фундаменталисты.

Единая идеология, безусловно, сближает два режима, не скрывающих своих целей по экспорту ислама в дру-

гие страны. Однако это далеко не единственная причина ставки Тегерана на Хартум. Местный режим исламских фундаменталистов находится в жесткой зависимости от Тегерана как в снабжении энергоносителями, так и в поставках оружия.

Недавно Иран финансировал трехсотмиллионную сделку с Китаем на поставку Судану 160 истребителей и другой боевой техники. Боевики из этой арабской страны проходят военную подготовку на территории Ирана. Число же иранских инструкторов в суданской армии оценивается в 15 тысяч человек. Хартум предоставил Тегерану право пользования своими военно-морскими базами на побережье Красного моря и выгодные нефтяные концессии на юге страны.

В этих условиях нестабильности в регионе и взаимной подозрительности многие страны Персидского залива не ощущают уверенности в рамках существующей системы безопасности. В том числе и Кувейт. Печальный опыт этого эмирата свидетельствует: любые усилия по сдерживанию и упреждению возможной агрессии обходятся во всех смыслах дешевле, чем ликвидация последствий агрессии.

Помимо коллективного пакта об обороне многие страны — члены ССАГПЗ заключили и двусторонние соглашения с иностранными государствами. Кувейт, например, имеет такие соглашения с США, Англией и Францией, а также обсуждает возможность подписания аналогичного документа с Россией. Одновременно лидеры «заливных» монархий, закупая повсюду оружие, усиливают свой оборонный потенциал. Спрос на оружие и боевую технику в Заливе подскочил настолько, что временами опережает предложение. В 1991 году США продали в этот район оружие на 4,4 миллиарда долларов; Великобритания — на 3,5 миллиарда; бывший СССР — на 2,5 миллиарда; Франция — на 1,5 миллиарда; Китай — на 300 миллионов долларов...

Несмотря на кардинальные политические перемены в мире, существенных изменений в отношениях «поставщик — покупатель» в этом районе не произошло. США, Англия и Франция по-прежнему сбывают оружие нефтедобывающим арабским странам Залива, а Россия, Китай, Северная Корея — их потенциальным противникам, в том числе Ирану. Недавно только у России Тегеран заказал 75 современных истребителей, 200 танков Т-72, а также подводные лодки.

Одним словом, гонка вооружений в Заливе приняла угрожающие масштабы. «Заливные» государства перенасыщены боевой техникой. Кто первым спустит курок? И тогда у мирового сообщества вновь появятся мигрени...

Александр Шумилин
КАИР

Казачи в Италии

Генерал Петр Краснов, возглавивший в 1944 году Главное управление казачьих войск в эмиграции, и генерал Гельмут фон Паннвиц (он командовал 15-м кавалерийским корпусом вермахта, в который вошло значительное число казаков, согласившихся служить Гитлеру)

Гаммар Баутдинов

17

января 1947 года в «Правде» появилось сообщение о том, что в Москве осуждены и повешены казачьи командиры, сотрудничавшие с гитлеровцами, — генералы Петр и Семён Красновы, Шкуро, Султан-Гирей, Доманов и фон Паннвиц.

Так завершилась глава драматической истории казаков, еще почти совсем неизвестная в России. Последний акт этой драмы разыгрывался в Италии, куда казаки бежали с семьями, чтобы обосноваться в обещанном немцами «Козакенланде».

Жизнь казаков в Италии хорошо описана в двух книгах журналиста Пьера Ар-

Станицы в предгорьях Альп. Вместе с эсэсовцами — против итальянских и русских партизан. Последняя попытка спастись. Массовые самоубийства. Пункт назначения — Сибирь

риго Карниера «Казачья армия в Италии» и «Несостоявшееся уничтожение» и в монографии «Потерянные казаки (Из Фриули в СССР. 1944–1945)» профессора Алессандро Иванова, имеющего русские корни.

Прощай, Родина!

После разгрома вермахта под Сталинградом немецкие войска стали отходить с Северного Кавказа к Дону и далее на Украину. Вместе с немцами снимались с места и уходили многие донские, кубанские, терские казаки, а также представители других национальных меньшинств, населяющих Северный Кавказ. Уходили те, кто сотрудничал с немецкими оккупационными властями, кого неприятие советского строя, память о репрессиях времен гражданской войны, коллективизация толкнули в объятия немецких фашистов.

Ответом на ожидания переменувших к гитлеровцам казаков явилось обращение к ним от 10 февраля 1943 года, подписанное министром по делам оккупированных восточных территорий Альфредом Розенбергом и начальником штаба вермахта Вильгельмом Кейтелем.

В нем говорилось, что в признание заслуг казаков в борьбе против Советов им обещано уважение их традиционных прав и привилегий, автономия, индивидуальное владение землей и, в случае временного оставления ими родины, новая земля для размещения и проживания и необходимые средства для ее освоения, создание условий для автономной жизни. Несколько тысяч казаков, половина с семьями, устремились за отступавшими немцами.

Часть казаков влились в состав 15-го кавалерийского корпуса вермахта, которым командовал немецкий генерал Гельмут фон Панивиц. Корпус был направлен в Югославию и сражался там до самого конца войны, прикрывая левый фланг немецких армий в Северной Хорватии.

Остальные (17 тысяч) под командованием подполковника Тимофея Доманова до лета 1944 года ждали переброски на обещанные земли. По соглашению с командующим войсками СС на Адриатическом побережье обергруппенфюрером Одило Глобочником в июле началась отправка казаков из Белоруссии, где они оказались к маю 1944 года, в северо-восточную Италию, на территорию области Фриули.

Здесь на площади в 650 квадратных километров и предстояло разместиться казакам, а немцами эта территория была названа «Козакенланд ин Норд Италиен» («Казачья земля в Северной Италии»).

Новая земля была передана казакам не безвозмездно. По замыслу гитлеровского командования казаки вместе с частями вермахта и СС, а также фашистами Муссолини должны были противостоять набравшему силу движению Сопротивления.

«Нежеланные гости»

Первый эшелон с казаками прибыл в Северную Италию 20 июля 1944 года, в тот самый день, когда состоялось покушение на Гитлера. Сюда доставили — к немалому удивлению местного населения — коней, коров и даже верблюдов, проделавших огромный путь от прикаспийских просторов до Адриатического побережья.

Выделенная казакам территория была разделена на «округа» и «станции», во главе которых были поставлены атаманы. Новочеркасское стало называться селение Алессо, Краснодаром — Каваччо, Новороссийском — Тразагис.

От казаков были обособлены кавказцы, которыми командовал Султан-Гирей Клыч (Килеч), объявивший себя потомком золотоордынских ханов. Среди них были черкесы, чеченцы, ингуши, лезгинцы, абхазы, азербайджанцы, а также калмыки, туркмены, киргизы.

На территории, занятой казаками, находилось 26 населенных пунктов, не считая отдельных поселений, и проживали там в общей сложности 60 тысяч человек.

Эвакуировать местное население полностью ради казачьей автономии было практически невозможно. Местным жителям было вменено в обязанность принять к себе на постоянной основе семьи.

«Хозяева» должны были приютить «гостей» вместе со скотом и обеспечить животных кормами. В сложившихся условиях практически невозможным стало обещанное немцами распределение и раздача наделов среди казаков, ибо в гористой местности каждый клочок плодородной земли был на счету.

О долгих месяцах, проведенных вместе с казаками, сохранилось немало свидетельств местных жителей, для которых те были, естественно, оккупантами, хотя и не такими жестокими, как гитлеровцы. По милости непрошенных гостей местные жители были вы-

Атаман кубанских казаков генерал-майор Андрей Шкуро

нужны терпеть лишения, поскольку у них регулярно отбирались съестные припасы, и страдать нравственно. Буйный нрав части казаков пришелся не по душе спокойным горцам-фриулам. Не обошлось без пьянства, мародерства, насилия над женщинами.

Необходимость сосуществования заставляла обе стороны внимательно приглядываться друг к другу, уважительней относиться к обычаям, хотя возможности и права сторон были далеко не равноценны: условия диктовал тот, на чьей стороне была сила.

Много зрителей собирали церковные православные службы, которые совершали священники, прибывшие вместе с казаками. Местным жителям особенно запомнилось Рождество, ибо помимо торжественной службы были устроены «общевойсковая рождественская ёлка», колядки и различные увеселения. Мужчины, и особенно дети, не переставали удивляться отношению казака к лошади, понимавшей своего хозяина, казалось, с полуслова.

Многое из жизни и быта казаков в Италии сохранилось не только по свидетельствам и воспоминаниям местных жителей, но также благодаря газете. «Казачья земля» — так называлось это четырехполосное издание, имевшее подзаголовок «Газета Штаба Походного Атамана Казачьих Войск». Слева от названия была воспроизведена своеобразная эмблема — две перекрещенные пашки, над которыми помещались три щита, символизирующие три войска: донское, кубанское и терское. На первой полосе газеты публиковались статьи политического характера, в которых выражалась ненависть к большевизму и непоколебимая вера в союз с нацизмом.

Казаки в борьбе против итальянских партизан

Казачи привезли с собой лошадей, коров и даже верблюдов

Частым автором был атаман Петр Краснов, подписывающийся иногда как «Казак Каргинской станции». В одной из ведущих рубрик «Из главной квартиры фюрера» всячески превозносились силы вермахта и замалчивалось то катастрофическое положение, в котором они находились в тот момент. Такой рисовалась картина и в последнем номере «Казачьей земли», вышедшем 29 апреля 1945 года, когда уже была решена судьба и рейха, и самих казаков в Италии.

В борьбе с партизанами

В 1943 году, вскоре после падения режима Муссолини и ареста самого дуче, Италия объявила о выходе из войны, после чего на ее территорию вторглись немецкие войска. По указанию Гитлера Муссолини выкрали и перевезли в Северную Италию, где он возглавил марионеточную Республику Сало. На оккупированной немцами территории Италии стало разворачиваться движение Сопротивления.

Одним из самых активных районов партизанской войны, доставлявших большое беспокойство немцам, стала северо-восточная часть Италии, в том числе и Фриули. Здесь были созданы первые партизанские бригады. А в восточной части области, граничащей с Югославией, ощущалась боевая деятельность 9-го корпуса югославских партизан, не дававших покоя немцам.

В рядах партизан было не менее

600 советских людей, бежавших из гитлеровского плена и вместе с итальянцами воевавших против общего врага. В ряде случаев советские партизаны объединялись в «русские» отряды, роты или даже батальоны.

Несколько «русских» групп и батальонов находились и во Фриули: два батальона имени Сталина, батальон имени Чапаева, партизанский госпиталь «Максим Горький», организованный тремя грузинами, бежавшими из немецкого плена. В составе 2-го батальона имени Сталина оказалось около сотни казаков с семьями, бежавших от немцев. Так, в далекой Италии казакам вновь пришлось встретиться на поле брани со своими соотечественниками.

Партизаны держали в постоянном напряжении местные гарнизоны (как немецкие, так и казачьи), освободили ряд населенных пунктов и создали во Фриули две свободные зоны.

Гитлеровское командование ответило широкими карательными операциями, к проведению которых были привлечены и казаки. Обычно им поручалось несение караульной и патрульной службы, конвоирование, охрана дорог и гарнизонов, отражение внезапных налетов партизан, а в ходе наступательных операций против партизан немецкое командование стремилось максимально использовать маневренность казачьих конных войск в условиях гористой местности.

Но партизаны довольно быстро изучили особенности маневра казаков. Внезапные нападения, неожиданные засады — все это умело использовалось партизанами, которые к тому же пользовались, естественно, поддержкой и помощью местного населения. В результате росли потери казаков, и похороны в «Казачьем стане» стали обычным явлением.

Атаман Краснов в «Казачьем стане»

После карательной операции, проведенной эсэсовцами при помощи казаков осенью 1944 года, во Фриули установилось относительно затишье, наступила зима с глубокими снегами в горах, и бои затихли. В «Казачьем стане» в первый и последний раз было отмечено Рождество. К тому времени численный состав удвоился, достигнув 40 тысяч человек. В начале февраля 1945 года казаков взбудоражила новость — из Берлина приезжает глава

казачьих войск Петр Николаевич Краснов, чтобы поднять моральный дух казачьих войск.

Имя 76-летнего генерала Краснова было хорошо известно казачкам. В годы первой мировой войны он командовал кавалерийским корпусом. В мае 1918 года стал «Атаманом Всевеликого Войска Донского». После образования в начале 1919 года вооруженных сил юга России признал главенство генерала Деникина как главнокомандующего, но ушел в отставку и эмигрировал в Германию, где занялся литературной деятельностью. И вот спустя два десятилетия старый генерал предложил свои услуги гитлеровскому командованию.

В марте 1944 года было создано Главное управление казачьих войск в эмиграции во главе с Красновым. Главному управлению, которое назначало атаманов, были подведомственны казаки, служившие на стороне Германии.

Прибытие Краснова в «Казачий стан», его заверения в победе в войне несколько воодушевили казаков, лишенных точной информации о ходе дел на фронтах. Но сам Краснов прекрасно отдавал себе отчет в реальном положении дел. Он встретился с командующим Русской освободительной армией генералом Андреем Власовым.

Краснов плохо относился к Власову: нельзя согласиться с Власовым. Он и его генералы все против Сталина, но они бухаринцы и троц-

Солдаты-азербайджанцы. Вместе с казаками в Северную Италию бежали и представители других национальных формирований, сражавшихся вместе с гитлеровскими войсками против Советской Армии

кисты. А мне же не нравятся не только Бухарин и Троцкий, но даже Керенский. Я русский монархист, православный. Немцы должны мне и Власову помочь освободить Россию. Власов со своей армией пойдут на Москву, а я со своими казаками из Италии пойду к Новочеркасску, чтобы создать основы православной и монархической России, которая будет управляться законным главой из династии Романовых.

Но в конце апреля 1945 года Краснов и Власов вместе пытались найти путь к спасению.

К этому времени резко ухудшилось положение немцев и их союзников в Италии. Был схвачен и казнен Муссолини. 29 апреля в Казерте, на юге страны, был подписан акт о безоговорочной капитуляции немцев в Италии. Краснов решил отступить в Австрию, чтобы вместе с остатками вермахта и войск СС создать в горах неприступную «альпийскую крепость».

Англичане отдали их Москве

Генерал Шкуро с казачьим резервом еще в середине апреля переместился в Австрию, 28 апреля снялись северокавказцы Султан-Гирей и также направились в Австрию. 2 мая двинулся в путь генерал Краснов с главными силами, захватив все вооружение и снаряжение, включая кассу. На повозках размещались женщины и дети. На многие километры растянулся этот пестрый караван, к которому примкнула часть казаков фон Паннвица, отступавших через Триест под ударами югославских партизан. В арьергарде находились немецкие части СС.

Партизаны спускались с гор, тесня казаков и блокируя пути отступления. Удары наносила авиация союзников. 2 мая произошла последняя крупная и яростная схватка между казаками и партизанами, принесшая немалые потери обеим сторонам. Сказалось численное превосходство казаков, проложивших себе путь дальше. Отбросив партизан, казаки устроили кровавую расправу над мирным населением. Такую же резню в другом населенном пункте устроили эсэсовцы.

Атаман Краснов обсудил с приближенными генералами последнюю возможность спасения — сдать британской армии, поскольку восточная часть Австрии уже была занята Советской Армией. Краснов рассчитывал также на соединение с казачьим корпусом

В конце апреля казаки генерала Краснова двинулись в Австрию, надеясь спастись там от войск союзников

фон Паннвица, стремительно отступавшего из Югославии. В том же направлении продвигалась и 250-тысячная армия хорватских националистов-ушастей под командованием Анте Павелича, тоже пытавшегося договориться с англичанами.

На территории Австрии казаки были размещены в лагере Пеггетц на берегу Дравы.

Краснов обратился к британскому фельдмаршалу Александру, главнокомандующему союзными войсками в Средиземноморье, с которым он познакомился еще тогда, когда тот был британским военным атташе при царской ставке. Краснов просил взять под защиту британской короны своих подчиненных, считавших себя людьми «без гражданства», дабы избежать советского плена. Одно из ялтинских соглашений предусматривало выдавать Москве тех граждан СССР, кто по окончании войны оказывался в зоне англо-американской оккупации.

Англичане первым делом лишили казаков лошадей, кассы, а затем разоружили.

В конце мая англичане объявили, что генералы и офицеры казаков приглашаются на встречу с фельдмаршалом Александером, остановившимся со своим штабом в австрийском городе Филлахе.

28 мая офицеры, которых насчитывалось около двух тысяч, были погружены в автобусы с охраной, а двум десяткам генералов было разрешено ехать на своих автомаши-

нах. Но по пути весь кортеж был взят под охрану, а затем остановлен в районе города Шпитгаль на Драве. К изумлению казаков их обыскали и поместили в бараки. Английский комендант лагеря объявил, что завтра всех офицеров передадут Советской Армии.

Наутро британские солдаты, пустив в ход приклады, затолкали заключенных офицеров в заранее подготовленные грузовики, которые двинулись в сопровождении танков, бронемашин и мотоциклистов. Колонна миновала Филлах, перебралась через Драву и остановилась у моста перед въездом в Юденбург, где и произошла передача генералов и офицеров казачьей армии представителям советской администрации. Далее путь лежал на Грац, где находились репатриационные лагеря с пересельным пунктом, и Вену, а оттуда в Москву: кому на Лубянку и в Бутырку, кому в Сибирь и Казахстан. Что касается самого генерала Краснова, то его поместили на лечение в Бутырскую тюрьму, где он и был ознакомлен с при-

говором. Приговор был приведен в исполнение во дворе тюрьмы Лефортово, тела повешенных были кремированы, а пепел развеян.

Трагичной оказалась судьба рядовой казачьей массы. 28 мая советской стороне были переданы семь тысяч северокавказцев. А 1 июня англичане начали грузить казаков с семьями в товарные вагоны, чтобы отправить их в распоряжение советской администрации.

Казаков, которые узнали от англичан об ожидавшей их участи, охватила паника. Кто-то пытался спастись, убегая в ближние леса и горы, кто-то тут же покончил с собой, многие казаки бросались с моста в воды весенней Дравы, еще не совсем освободившейся от льда. Описывая страшную картину массового самоубийства, Карниер отмечает, что через несколько дней в общей могиле были захоронены 500 человек.

Сейчас об этой трагедии на берегах Дравы напоминает казачье братское кладбище, а также отдельные могилы и часовни; здесь ежегодно в конце весны собираются те, кто уцелел, и потомки казаков, рассеявшиеся по разным странам.

РИМ—МОСКВА

Фото из книг
Пьера Арриго Карниера
«Казачья армия в Италии»
и «Потерянные казаки
(Из Фриули в СССР, 1944—1945)»
Алессандро Иванова

Кадры России

Вячеслав Басков

§1. О людях старой закалки

Покуда все решали отделы кадров, Советский Союз стоял неколебимо. Но уже где-то в середине брежневской поры начальник отдела кадров реже появлялся рядом с директором и секретарем парткома. Его замещает профсоюзный лидер. Потом кадровика не стало видно даже за спиной руководящей тройки. Невидимая миру энергия упрятала наконец кадровика — главного героя, как мы теперь говорим, репрессий тридцатых годов — с глаз долой, в каморку с дурно крашенными стенами. Даже на заводах-гигантах комната начальника отдела кадров не походила на кабинет.

Теперь это может показаться странным, но утратившего зримую власть отдела кадров стали бояться еще пуще за скрытую. Обтерханная каморка вызывала трепет. Там, за тихой дверью, в ящичках спецконструкции хранилось досье на каждого. Заглядывать в свое собственное «дело» нам было запрещено. Два-три человека, имевшие доступ за тихую дверь, всегда держались холодно, руки имели чистые, одевались по старой моде, ни с кем особо не дружили. Эти люди словно бы знали о вас больше, чем вы о себе.

Они действительно знали много и были вестниками самых крупных неприятностей: аттестаций, сокращений, смещений, перемещений... Откуда только узнавали! Первыми секретные инструкции, как отныне нужно относиться к человеку (отдельно взятому или как к разновидности живой природы), получали «кадры». О нет, случайный прохожий в отдел кадров на работу не попадал! Первое, что там требовалось, это слушать, слушать, слушать. У кадровиков старой закалки большие уши с отлично развитой мембраной. Такой человек, говоря с вами, быстро поворачивает к вам ухо. Это профессиональное.

§2. О кадрах, которые все решили

И все-таки невидимой власти не бывает. Истинная власть требует восхищения публики. Поэтому со време-

Прошлое, настоящее и будущее отделов кадров

нем лишь самый глупый и наивный человек шел устраиваться на работу через отдел кадров. На работу принимали исключительно по знакомству. Сначала согласие должен был дать будущий начальник. Так все начали решать кадры в обход отдела кадров.

На первый взгляд за отделом кадров осталась примитивная функция оформления на работу и заведения на работника досье. На самом деле именно из каморки самый заносчивый начальник по-прежнему получал ЦУ о подборе людей в соответствии с новыми анкетными требованиями.

Мы пережили несколько анкетных эпох, помните? Кто-то где-то лютовал, анкеты становились все труднее. В анкетах последнего времени появился даже вопрос о месте захоронения родителей («укажите кладбище»). Тем не менее в бытовой обиход вошли термины «круговая порука», «у них там все свои», «нужен блат», «непробиваемая стена», «мафия»... Изменить в кадровой политике уже было ничего невозможно: в самих отделах кадров сидели все свои, подобранные руководителями фабрик, заводов, институтов, издательств, театров... И рухнул Советский Союз, и разбился на куски.

А все потому, что кадры государственных служащих были не те, что надо. Некому оказалось защитить прекрасный конституционный строй. Если бы государственные служащие были подобраны от-

делом кадров, тайная педагогика которого до сих пор не разгадана, то аппарат сумел бы противостоять напору любого митинга и выдержал бы любые общественные передраги. Не те, однако, люди заселили кабинеты министерств, исполкомов, профкомов, институтов, райкомов, ЦК, политбюро!.. Не те. Сломались в три дня.

Вот что случается, когда кадры решают все. И даже — кто кем должен работать. Естественно, любой начальник возьмет себе «своего» человечка! Это удобно, но неправильно. Горбачев, к примеру, только на этом и погорел. Составил, видите ли, свою «команду». Не так надо.

§3. О «Роскадрах»

Надо так, чтобы государственный аппарат стоял неколебимо. Слабым государством быть не может. Служащие аппарата обязаны контролировать друг друга. «Своим» на службе не место.

28 ноября 1991 года президент России подписал указ № 242 «О реорганизации

В России кадры решали все. Но другие кадры

Рисунок Марии Таурова

центральных органов государственного управления РСФСР». Согласно этому документу при правительстве России создано Главное управление по подготовке кадров для государственной службы. Сокращенно — «Роскадры». Год спустя «Роскадры» подчинили непосредственно президенту.

Нет-нет, «Роскадры» не заменили института отдела кадров, корни которого уходят в недра ведомства, любящего исподтишка полистать кладбищенские отсыревшие книги. «Роскадры» призваны готовить и отбирать чиновников высшей пробы — лишь для аппаратной службы в Москве, республиках, областях...

Кажется, главное кадровое ведомство слегка ущемили. Но это только первое впечатление. Само наличие «кадровой политики» свидетельствует о неизменности государственного мышления.

У начальника «Роскадров» есть два заместителя. С одним из них, Григорием Атаманчуком, доктором юридических наук и профессором, мне посчастливилось познакомиться. Григорий Васильевич, мне показалось, тоже был рад видеть живого журналиста и поспешил высказать накипевшее. Он предложил упразднить из списка профессий журналистов. На страницах газет и журналов, считает ученый, должны выступать только профессионалы своего дела: шахтеры, вахтеры, танкисты, таксисты, адвентисты,

портретисты... И, если надо, дискотировать между собой. Светлый ум.

Непосредственно начальнику «Роскадров» подчиняется и сектор зарубежных связей. Это очень разумно: начальник всегда должен курировать этот хороший и очень интересный сектор. Всего же в «Роскадрах» шесть отделов и четырнадцать секторов. Помещение бывшего ЦК КПСС на Старой площади позволяет развернуться, набор служащих продолжается.

§ 4. О жизнедеятельности личности

Свою деятельность молодая ветвь изъеденного червями дерева начала с малого: с проекта закона Российской Федерации о государственной службе.

В этом компактном произведении 31 статья. Среди множества обязанностей, которые отныне должны нести аппаратные чиновники, первым номером фигурирует охрана конституционного строя Российской Федерации. От кого — не написано. Этот святой долг пока висит в воздухе, поскольку конституции нет. Но охрана строя должна быть заложена в гены работников аппарата.

Далее следует «обеспечение свободной жизнедеятельности личности». Я не специалист в русском языке, но, кажется, основное значение слова «жизнедеятельность» — это все-таки отправление естественных

надобностей организма. Ну и, естественно, личности. Неужели чиновникам придется головой отвечать еще и за это?

Государственным служащим предписано также «защитить права граждан». И тут не сказано, от кого. Пока что граждане если от кого и терпят, так это именно от государственных служащих.

В статье пятнадцатой чиновникам запрещается участвовать в забастовках «и иных действиях, нарушающих нормальное функционирование государства и общества». Эта статья таит слишком глубокий философский смысл, чтобы комментировать ее в небольшой журнальной публикации. Но так запросто объявить забастовку ненормальным явлением, нарушающим «функционирование общества», позволительно, конечно, только профессионалам, а не нам, журналистам, которым вообще не место среди людей.

§ 5. О безработном гвозде

Уклоняясь от подробного комментария проекта закона, хочется все же выразить разочарование созданием «Роскадров». Самый массовый государственный служащий, с которым приходится иметь дело гражданам всечасно, — почтальон, водитель автобуса, бухгалтер, слесарь, врач, учитель — оказался выброшенным за круг интересов нового учреждения. От закона о государственном служащем общество ждет совсем другого: некоего свода требований, которым должен соответствовать любой человек, представляющий государство. Он должен быть безупречно вежливым, информированным, опрятно одетым, исполнительным, невысокомерным... Такого простейшего, но жизненно необходимого документа разработать физически некому.

Тут пора сказать, что помимо уже упоминавшегося ведомства, изборающего мрачные анкеты, и новых «Роскадров», пишущих законы не совсем внятным языком, у нас существует министерство труда (бывший Госкомтруд), где занимаются совершенно тем же, что и эти две организации. Это в министерстве труда устанавливают всякие сроки аттестаций, сокращений, должностные инструкции, а при министерстве труда существует вдобавок целый НИИ, научные сотрудники которого занимаются уж такой скучной работой, что над ее описанием уснет и читатель, страдающий бессонницей.

14 октября 1992 года в зале заседания бывшего ЦК КПСС проходило собрание, посвященное грядущей аттестации аппаратчиков России. На нем с докладом выступила научная сотрудница того самого НИИ. Свою речь она произносила в микрофоны сперва на трибуне, а после

со стола президиума. Все микрофоны не работали. Побежали за государственным служащим, отвечающим за микрофоны. Вернулись.

— Он говорит, что должны работать!

Могли бы и не бегать: в зале сидели московские и провинциальные кадровики с одинаково натренированными локаторами. Но представитель науки вывел из себя даже этих, профессионально сдержанных людей. Оказывается, институт разработал инструкцию по проведению аттестации. Кадровики узнали в ней постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР этого года — ни одного нового слова, кроме «администрация» вместо «исполком». Все те же «аттестационные тройки» из сверхлюдей, все то же укромное собиранье сведений о каждом, фискальные характеристики...

У кадровиков лопнуло терпение и они стали выступать как на митинге. Одна кадровичка сошла со своего дальнего места, приблизилась к сцене и заявила, что хоть Ельцин и издал указ о борьбе с коррупцией, но это не значит, что аппаратчиков надо трясти и подозревать в участии в коррупции всех. А тогда зачем, спрашивается, вообще проводить аттестацию?

— Хватит доводить людей до инфарктов! — в сердцах выкрикнула эта добрейшая женщина. — Потом в суды на нас подадут за незаконные увольнения! Первый раз, что ли?!

— Вот и подавайте в суд на Ельцина! — парировала представительница «науки». — Он указ подписал — вот на него и подавайте! Подавайте в суд на Ельцина!

— Пусть этот разговор останется между нами, — успокоил председательствовавший зал. Он сидел в президиуме прямо под черным гвоздем-костылем, вбитым в белую стену и державшим когда-то лики наших вождей, а ныне голым, безработным...

§ 6. О мороженом и баянах

Величайшее в мире государство, которое иной патетически настроенный оратор именуется сверхдержавой, делает все, даже мороженое. Даже художественная самостоятельность в далеком сельском клубе — особая боль нашего государства. Оно когда-то обещало постепенно отмереть, но слова своего не держит. Во всяком случае, отмирая теоретически, оно все-таки не прочь прихватить с собой на тот свет вполне практически типографию газеты «Известия», а лучше — все на этом свете типографии.

В отличие от других государств ему мало забот об армии и милиции — как раз тут оно безруко и безголово. Недостаточно и внешней политики. Все свои силы оно тратит на создание учреждений, каких нет

нигде в мире: «Роскадры», НИИ труда, Госкомцен... Только в одной Москве работают 18 государственных НИИ экономики, есть Академия коммунального хозяйства имени К.Д. Памфилова, в которой нет ни одного академика... Чиновники существуют по принципу: «Раз нас зажгли, то, значит, это кому-нибудь нужно».

Когда-то нас поразила цифра 18 миллионов бюрократов. Госкомтруд тогда обнаружил ошибку: не 18 миллионов, а два с половиной. Именно столько было чиновников в министерствах СССР. Но чиновниками служат не только в правительственных кругах — они сидят в жэке, больнице, институте, отделе кадров, магазине, на почте, в клубе... Вполне серьезные чинов-

Рисунок Аркадия Гурского

ники, ни чем не отличающиеся от правительственных! Так что 18 000 000 — цифра заниженная. В этом особенно легко убедиться сейчас, когда государство создает новые учреждения из старых чиновников и размноженных неестественным путем докторов наук, профессоров, доцентов. Собираясь под опустевшими крюками в залах и президиумах на таинственные совещания, они, казалось бы, создают лишь видимость собственной занятости. Но это было бы слишком легким объяснением. На самом деле государство вновь вручает власть чиновникам.

Что наша сверхдержава делала всегда, то силится делать и сегодня: выпускает мороженое, которого как раз в жару никогда нет, «болеет» за художественную самостоятельность с ее постоянным дефицитом баянов, разносит письма

со скоростью бравой черепахи, не доставляет газет и журналов...

§ 7. О теории

Государственных учреждений должно быть очень мало, потому что чиновник — удовольствие дорогое: ничего не производя, он должен жить, ему платят зарплату из бюджета, то есть из наших налогов. Даже создание отдельной Государственной налоговой службы — не что иное, как расточительство (см. «НВ» № 33/92).

Отделы кадров, как они есть, необходимо просто упразднить. Это неестественная структура изначально. Дело не в том, где похоронены родители служащего. Новые правила жизни обязательно должны замещать прежние — это в порядке вещей. Так что «Роскадры» со своим проектом закона о государственной службе поехали явно не в ту сторону. В конце концов все учебные заведения страны выпускают специалистов. Но они должны получить право выбора: поступить на государственную службу или держаться от нее подальше. Зная заранее ответ, что ни один талантливый и энергичный молодой человек не предпочтет унылую чиновничью долю, «Роскадры» организовали свои особые учебные заведения для подготовки аппаратчиков! Появлялся ли на свет проект более пустой и накладный для налогоплательщика! Однако это намерение лишним раз подтверждает опасность чиновничества: чиновник плодит чиновника.

От нового российского государства люди ждут вещей простых и очень нужных в повседневной жизни: доброты и понимания их проблем. Ни доброты, ни понимания нет как нет. По-прежнему все зависит от государственных учреждений, заполненных чиновниками и чиновницами. Они чаще говорят «нет», чем «да». И все потому, что условия жизни для нас привычно выдумывают в кабинетах на Старой площади. Только в этой статье названы пять гигантских учреждений, которые заняты созданием теории отбора кадров. Их инструкции, распоряжения, анкеты, «письма» (есть и такая форма документа), указания, решения, формы, формуляры, «методики» размножаются, не зная трудностей с бумагой, и рассылаются всем российским учреждениям ежедневно и без признаков усталости. Все уже запутались в законах и указах.

Но в основании бумажного здания — грозный слуховой аппарат России, насильно и властно превращающий человека в КАДРА, чтобы: удобнее было прослушивать его гайные мысли и прсверять его на благонадежность. Государство в муках прощается со своим полицейским прошлым.

Да и прощается ли?..

Крысы на чердаке

Интервью с несостоявшимся боевиком

Плохо освещенный чердак, где полно крыс, показался бы не слишком удачным местом для встречи школьных друзей. Если бы один из нас не стал террористом.

Впрочем, друзьями мы никогда не были, и разговор наш был лишен сентиментальных ноток и ностальгических воспоминаний.

Я не знаю, почему он решил встретиться со мной. Он боялся не правоохранительных органов, а своих товарищей по оружию, в глазах которых стал «предателем». Почему же он не затаился, а, наоборот, заговорил?

Правда, он не называл имен и уклонялся от ответов на некоторые вопросы.

Не настолько смел, чтобы говорить обо всем открыто, но достаточно предусмотрителен, чтобы предостеречь бывших товарищей: если вы будете искать меня, я назову и имена?

Леонид Млечин

Если я тебя правильно понял, первого человека ваша группа убила еще до того, как ты в нее вступишь? Кого и почему?

— Наши выследили одного молдавского полицейского. Его приговорили к смерти за то, что он творил в Приднестровье.

— Без суда и следствия? Это же расправа.

— Когда привезли фотографии трупов из Приднестровья, всем было не до адвокатов. Мы поняли, что должны перестать быть беспомощными и бессильными. Я тоже тогда подумал: нужно брать за оружие, в белых перчатках справедливости не добьешься.

— В вашей группе все умеют владеть оружием?

— Сначала не умели. Когда в первый раз в лесу устроили стрельбы из пистолетов, никто в цель не попал. Один из наших стал показывать, как обращаться с ручной гранатой, и чуть всех не подорвал. Потом нас стали учить.

— Кто?

— Офицер, бывший «афганец». Он сам хорошо стрелял и объяснял толково, только очень нервный. Потом он исчез.

— Исчез?

— Не задавай вопросов, на которые я тебе не отвечу. В группе не принято было любопытство проявлять. Как в армии: все, что надо, командир сам скажет.

— Что ты испытал, когда тебе дали оружие?

— Подержать в руках «калашников» — это было прекрасное ощущение. Когда получаешь оружие, то чувствуешь себя совсем по-другому, словно у тебя появилась какая-то власть. Ей-богу, в оружии есть колдовская сила. Мне кажется, что некоторые из ребят пришли в группу только из-за оружия.

— В надежде раздобыть пистолет или автомат?

— Нет, они не сбегали с оружием. Им нравилось его иметь. Пистолет придает уверенность в себе. Несколько ребят пришли в группу, потому что на них произвели впечатление люди с оружием. Они казались такими уверенными в себе, бесстрашными и жизнерадостными.

— А что, в вашу группу приходили люди, не уверенные в себе?

— Не всегда определишь, кто есть кто. Но, по-моему, много таких. Знаешь, на вид крутой, накачанный парень, а внутри у него страх перед жизнью. Ему кажется, что если он получит оружие, то поднимется над всеми проблемами, которые давят на любого человека.

— Простое средство против всех проблем?

— Продолжение. Начало см. № 44/92.

— Помощник нашего начальника так и сказал: «Вступая в группу, получая оружие, человек становится хозяином жизни и смерти, он определяет, что есть зло и что есть добро, он берет себе все, что хочет, он судья, диктатор и бог в одном лице».

— **Я вижу, на тебя сильное впечатление его слова произвели?**

— Все дело в том, кто говорит. Я тебе честно скажу: если бы я встретил других людей, которые произвели бы на меня столь же сильное впечатление, я пошел бы за ними. Но я встретил этих... Ими все восхищались, ну, как образцом для подражания. Двое из них уже мертвы.

— **Где они погибли? При каких обстоятельствах?**

— Один в Южной Осетии, другой в Приднестровье. У нас в группе все время, пока там и там шли бои, говорили, что это — первое сражение за честь русских, за их интересы. Наш командир много времени провел в Приднестровье. Создал там диверсионный отряд для борьбы с молдавской полицией... Половина нашей группы через этот отряд прошла.

— **А ты?**

— Мне нужды не было. Когда меня приняли в группу, то сразу велели поступить на шоферские курсы. Группе были нужны люди, имеющие технические навыки. Однажды их чуть было не поймали из-за того, что не оказалось достаточного числа людей, разбирающихся в автомобилях.

— **На тебя колдовская сила оружия не подействовала?**

— У меня это увлечение прошло, когда увидел, что из-за оружия с ума сходят. Помню, в электричке ехали вдвоем с товарищем из группы. Он сумку на полку поставил, я вижу — у него под курткой две кобуры. Вывел его в тамбур: «Зачем с оружием едешь?» — «Надоело ментов пугаться. Если остановит, пристрелю». Я на следующей остановке вышел: «Езжай один».

— **Ты сказал, что ваша группа участвовала в нескольких убийствах. Как ты к этому относишься? Ты одобряешь такие методы?**

— Сейчас нет, поэтому я и ушел от них. А раньше — да. Борьба без жертв не бывает. Понимаешь, мы ставили перед собой такие замечательные цели, что ради них всем можно пожертвовать.

— **Вы в группе что-нибудь читали? Газеты, книги? Телевизор смотрели?**

— За нашим политическим воспитанием следил помощник начальника. Он проводил специальные занятия. Он приносил газеты, книги, говорил, какие передачи смотреть. У нас были два видеомagnитофона. Мы больше фильмы крутили, чем телевизор смотрели.

— **Что вам рассказывали на политических занятиях?**

— О ситуации в стране.

— **И как же она виделась вашим политическим руководителям?**

— А вот как. Русофобские силы, за которыми стоят в основном американцы, разрушили Советский Союз, а теперь разрушают Россию. Если их не остановить сейчас, страну не спасти.

— **У вас были споры, дискуссии? Или вся группа состояла из единомышленников?**

— Начальники, наверное, между собой спорили. А у нас споров не было. Когда живешь в группе, спорить не с кем. Сомнения могут подорвать боевой дух.

— **Вы могли критиковать приказы начальства?**

— Где же это видно, чтобы на войне критиковались приказы?

— **Но вы принимали решения совместно?**

— В планы группы посвящены были немногие. Всё решали руководители. У остальных была возможность либо горячо одобрить принятые решения, либо пасть под подозрение.

— **И это не вызвало недовольства?**

— Наверное, кто-то думал про себя: какая дерьмовая жизнь, все время приходится быть начеку, чтобы не скапали, не знаем даже, что происходит внутри группы, с нами обращаются как с шестерками. Но сказать это открыто никто не решается.

— **Неужели ни у кого в группе не возникали сомнения в правильности действий группы, в разумности акций, например убийств?**

— С точки зрения группы, убийство политического врага — не только необходимость, но и моральный долг. Такие слова, как «террор» и «террористы», не употребляли. Говорили: вы — солдаты. Тот, кто сопротивляется нашей борьбе за спасение России, должен быть уничтожен. И это не имеет ничего общего с убийством, это военная необходимость, возникающая в политической борьбе.

— **И все-таки убить человека может не каждый.**

— Ребята вовсе не такие уж кровавые. Но нас учили видеть во враге не человека, а воплощение зла. С носителями зла бессмысленно пытаться разговаривать, их можно только уничтожать. Любые методы оправданы, а заповедь «не убий» тут вообще не применима.

— **Неужели так легко согласиться выстрелить в человека?**

— А разве легче уклониться от выполнения задания? Особенно если знаешь, что любые колебания могут стоить предательства. Никто не хотел показаться трусом или недостаточно надежным. Ведь для нас группа была целым миром. Потеряешь уважение в группе, потеряешь все. Напротив, ребята сами

Рисунок Виктора Богорада

просили: назначьте меня на акцию. Все друг другу демонстрировали свои боевые качества.

— **Вы безоговорочно верили своим начальникам?**

— Каждому в голову не заглянешь... Но если постоянно твердят: у нас великая миссия, мы можем собой гордиться, это действует на любого. Ты наших начальников не видел, у них готов ответ на любой вопрос... И им веришь, пока не перестанешь верить. Мы это много раз обсуждали.

— **Что именно?**

— Ну, насчет того, можно убивать или нет. И пришли к выводу, что в каких-то случаях это оправданная необходимость.

— **И все так считали?**

— Пойми, весь мир, которым эти люди дорожат, сжался до размеров группы. Если группа одобряет какое-то действие, значит, оно правильное. Не остается ничего другого кроме как совершить то, что от тебя требуется. Человек становится убийцей, даже если он не собирался этого делать.

— **Никто не смел противопоставить себя группе?**

— Страшно даже подумать о том, что случится с тем, кто попытается это сделать, например заявит: «Нет, на это я не пойду».

— **Какая у вас была программа?**

— Коммунистическая система отвергается напрочь — это было насилие над Россией. Но то, что пытаются сделать со страной весь последний год эти демократы, — такое же насилие.

— **Ты уверен?**

— Нам в группе говорили: посмотрите сами, разве жизнь становится лучше? Она остается такой же несправедливой, как и была! Раньше одни в роскоши купались, теперь другие, но основная-то масса все такая же нищая. Значит, не по тому пути идем. Не те люди Россией управляют. У власти враги России оказались.

— **Кого же у вас в группе считают врагами?**

— Всех, начиная с Ельцина. Особо Бурбулис. Он же не русский. Ельцин пляшет под его дудочку и не понимает, что Бурбулис — агент русофобов. Борьба с так называемыми демократами, говорили нам в группе, — это борьба добра со злом. Зло всемогуще, его трудно победить, поэтому годятся любые средства.

— **Но при этом гибнут невинные люди. Разве это можно оправдать?**

— Это война. На войне возможны случайные жертвы. Но разве те, кто не стал на нашу сторону, — разве они не виновны?

— **В чем же их вина?**

— Они не выступают против преступного общества, следовательно, они соучаствуют в преступлении.

— **В группе вы называли наше общество преступным?**

— Да. Если миллионы людей страдают, значит общество преступно.

— **А то, чем занималась ваша группа, — разве это не преступление?**

— Никто не говорил, что эти акции — хорошее дело. Нам объясняли — это необходимость. Террор избавляет от унизительного чувства беспомощности.

— **А как использовались твои машины, ты знал?**

— Когда догадывался, когда нет. Когда готовилась акция, никто не знал, что именно предстоит сделать. То есть начальники знали, остальные могли только предполагать.

— **Конспирация?**

— А ты как думал? Я, например, знал, когда ребята квартиры кому-то поджигать ездили или, скажем, служебные помещения громили, но никто мне официально, так сказать, об этом не рассказывал.

— **Так как же ты мог знать, что они делают, если никто никому ничего не говорил?**

— Ну ребята иногда признавались. В принципе таиться им от меня резона не было. Хотя приказ был помалкивать. Нас никто не разыскивал, но мы старались вести себя по правилам конспирации.

— **Ты сказал: я ушел в подполье. Что это означает?**

— Из общежития, где я последнее время обитал, я ушел. Сказал, что переезжаю к родственникам в Хабаровск. И в тех местах, где мог бы знакомых встретить, старался не показываться. Немного внешность изменил. Одеваться стал лучше. Паспорт в группе мне новый дали.

— **Фальшивый? Откуда они его взяли?**

— У группы много людей, которые ее поддерживают, в том числе на больших должностях. Они давали нам деньги или паспорта.

— **А как же они без паспорта?**

— Пишут заявление в милицию, что потеряли, им выдают новый.

— **Не страшно с фальшивым паспортом ходить?**

— У нас в группе умелец есть, он аккуратно фотографии переклеивает. Чтобы определить фальшивый паспорт или нет, оборотование нужно. А если на улице мент остановит и паспорт посмотрит, ничего он не определит. Не на Западе — компьютеров у них нет. Я по своему паспорту несколько конспиративных квартир снимал, вполне официально, хозяйки в милицию носили на временную прописку — и то обошлось.

— **Ты упомянул людей, которые помогают группе. Они играют значительную роль в жизни группы?**

— Группа существует только потому, что ее поддерживают люди, о которых милиция, госбезопасность ничего не знают. Снять квартиру, поменять краденые деньги,

найти нужного человека, купить билеты — все это делают сочувствующие. Из помощников и пополнение подбирают.

— **Я видел в «Литературной России» объявление о наборе молодых мужчин «с твердыми национальными и государственными убеждениями» в «Русский Национальный Легион» для обучения рукопашному бою и военному делу. Там тоже было сказано, что «экспедиционные формирования Русского Национального Легиона выполняли свой долг в Приднестровье и Цхинвале». Это к твоей группе отношение имеет?**

— Нет, эта какая-то самостоятельность. Наша группа объявлений не публикует и принимает к себе после тщательной проверки.

— **А как проверяют?**

— Лучшей проверкой считается участие в вооруженном ограблении, это пропуск в подполье, потому что стукач на это не пойдет.

— **А, по-твоему, в группе были осведомители милиции или министерства безопасности?**

— Не знаю.

— **Что такое жизнь в подполье?**

— Сначала испытываешь ощущение полного освобождения. Наконец-то у тебя появилось увлекательное дело! Жизнь становится осмысленной. Тебе даже нравится дисциплина, необходимость подчиняться приказам — все то, что раньше вызывало ненависть. Сначала испытываешь чувство свободы — все проблемы куда-то испарились. Не надо думать о деньгах, работе, жилье. Но это сначала.

— **А что происходит потом?**

— Окружающий мир начинает казаться абсолютно враждебным. Ведь мы общались только между собой. Остальной мир от тебя отрезан. Приятелю по телефону не позвонишь, с девушкой не познакомишься. Даже в кино нельзя сходить без спросу.

— **То есть вы оказались в изоляции. И как вы это переносили?**

— Мы все зависели от группы, старались приспособиться, отказывались от всех привычек, желаний. Некоторые даже стали бояться выходить на улицу в одиночку. А со временем появляются страх, подозрительность, напряжение. Еще плохо, что женщин нет.

— **Это страх быть пойманным?**

— Пойманным или убитым. Все человеческие чувства внутри группы расщепляются под тяжестью всех страхов. И уже боишься всех вокруг, в том числе членов группы, и тогда группа превращается в банду.

(Окончание следует)

Похвальное слово меньшевикам

Уолтер Лакер, профессор

10 октября в Берлине в здании рейхстага прошла конференция на тему «Последняя встреча с «холодной войной». Конференцию проводил Конгресс за свободу культуры, основанный в 1950 году группой видных западных интеллектуалов. Четверть века этот конгресс играл важную роль в борьбе «за умы и сердца» западной интеллигенции.

Даже на деньги ЦРУ можно сделать доброе дело

Честно говоря, даже в исторической перспективе трудно определить, что именно привело столь разных людей к идее создания конгресса. Среди его основателей были бывший коммунист и автор известного теперь в России антисталинского романа «Слепящая тьма» Артур Кёстлер, ученый Бертран Рассел, французский философ Раймонд Арон, писатель и один из основателей итальянской компартии Игнацио Силоне. Конгрессу помогал Вилли Брандт. Впрочем, секретари конгресса — об этом, кроме них, никто не знал — брали деньги и у ЦРУ.

Участников конгресса объединила приверженность идеалам свободы и стремление отстоять ее в борьбе с коммунизмом и фашизмом. Участвовавшие в конгрессе либеральные антикоммунисты издавали несколько журналов — «Энкаунтер» на английском, «Монат» на немецком, «Прёв» на французском — и оказывали огромное влияние на мировое общественное мнение. Как и следовало ожидать, их деятельность вызвала ненависть со стороны коммунистов и их попутчиков, которые именовали конгресс «инструментом «холодной войны».

В конце 70-х годов конгресс практически прекратил существование, его журналы выходили еще несколько лет. Теперь уже совершенно ясно, что в грандиозных идеологических дебатах на Западе в 50–60-е

**Этих людей в
России не
любили ни
семьдесят лет
назад, ни
сейчас. Но
именно они
оказались
правы в
историческом
споре,
который шел
на
протяжении
почти всего
нашего
столетия**

годы прав был конгресс, а не его критики.

Разумеется, у участников Конгресса за свободу культуры не было какой-то партийной линии в оценке коммунизма, Советского Союза. Но одно политическое течение оказало сильнейшее влияние на интеллектуалов, объединившихся в конгрессе. Это — меньшевизм.

Под меньшевиками я понимаю не только членов Российской социал-демократической рабочей партии, но и все демократическое крыло русской эмиграции, включая эсеров, издававших «Современные записки» — самое значительное эмигрантское издание между двумя мировыми войнами.

Немногие из участников конгресса читали по-русски, но все они были знакомы с еженедельником «Нью лидер», который многие годы издавал в Нью-Йорке Сол Левитас. Я не знаю другого такого случая, когда столь маленький еженедельник, который не на что было выпускать, оказывал бы столь большое влияние.

Ленинцы — черносотенная банда?

Либеральные антикоммунисты в большом

Рисунок
Марта
Таурова

Юлий Мартов

долгу перед меньшевиками, но, насколько мне известно, никто не спешит признавать этот долг, особенно в России. Вспомнили уже почти всех заметных мыслителей прошлого, которые были в запретном списке. Монархисты перепечатают Ивана Ильина и Ивана Солоневича. Ультраправые — «Протоколы сионских мудрецов». Появились мемуары Деникина, Врангеля и даже Троцкого. «Вехи» цитируются на каждом шагу. Трудно найти российский журнал, где не было бы отрывка из Бердяева. С некоторой опаской реабилитирован даже генерал Власов. Продаются издания НТС. Осталось только одно белое пятно — меньшевики и русские левые антикоммунисты.

В России мало кто знает об этих партиях и их лидерах. На Западе даже те люди, которые имели доступ к реальной информации, делают совершенно ошибочные выводы относительно меньшевиков и меньшевизма. Так, профессор Мартин Малиа полагает, что меньшевизм похож на воззрения сторонников Бухарина, по мнению которых большевизм был все-таки прогрессивным течением и сыграл в прошлом позитивную роль.

Это — карикатура на меньшевизм. Разумеется, не бывает совершенных политических партий и групп. По-разному оценивают и роль лидера меньшевиков Юлия Мартова во время революции, хотя известно, что он всегда считал необходимой борьбу с «азиатским большевизмом».

Незадолго до смерти (он умер в 1923 году) Мартов писал, что, поскольку большевистская партия есть партия рабочего класса, она не может быть неправой во всем. Но он всегда говорил, что не мо-

жет питать никакой симпатии к «азиатскому полицейскому социализму», отрицающему политические свободы, и что большевизм — это бессмысленная утопия, которая закончится катастрофой. К концу своей жизни он становится все более враждебным к большевикам, он называл их «партией палачей: как только они пришли к власти, они начали убивать».

Конечно, другой лидер меньшевиков Федор Дан под влиянием победы СССР над нацистской Германией вдруг занял просоветские позиции и делал совершенно ошибочные выводы о будущем советской России. Но взгляды основного ядра меньшевиков лучше, чем Мартов и Дан, выразил Павел Аксельрод в своем знаменитом письме, написанном в 1921 году:

— Не в полемическом задоре, а по глубокому убеждению еще десять лет назад я назвал ленинцев черносотенной бандой преступников внутри социал-демократической партии.

Естественно, многие люди вне зависимости от своих политических взглядов точно оценивали большевизм — от монархистов справа до Бертрана Рассела и Розы Люксембург слева. Но в эмиграции меньшевики и эсеры превзошли все иные политические партии и группы по части пронципальности и последовательности.

Предателей среди них не было

Огромное количество правых и центристов, включая видных деятелей церкви и царских генералов, шли на мировую со Сталиным, становились агентами советской разведки и даже возвращались в советскую Россию. Но лишь один эсер (Сухомлин-младший) предал свои идеалы. Среди меньшевиков предателей не было.

Даже Милоков и Маклаков, даже Бердяев и Тимашев к концу жизни находили много привлекательного в сталинизме, который они так резко отрицали еще несколько лет назад. Не стали оппортунистами только либеральные антикоммунисты. Они же оказались и наиболее прозорливыми.

Всего после трех лет советской власти Марк Вишняк, правый эсер и редактор «Современных записок», написал, что хотя большевизм и обречен на исчезновение, но его идеология несвободы впитается настолько глубоко, что исчезнет нескоро. Несмотря на то что удаленность России от Запада придавала российскому большевизму «величие», Вишняк не видел никаких оснований питать ил-

Федор Дан

люзии относительно перспектив свободы в России.

Сейчас русские правые с гордостью говорят о своей стойкости в прошлом. На самом деле многие из них вовсе не могут рассчитывать на восхищение. Даже некоторые русские фашисты в конце концов возвращались в советскую Россию и писали раболопные письма Сталину.

В эмиграции некоторые прекрасные мыслители, например теолог Г.П.Федотов, прекрасно видели слабость позиций русских националистов, которые отвергали большевизм прежде всего из-за его интернационалистических лозунгов.

Вот как Федотов писал в 1935 году.

Либерал знает, почему он против советской власти. Потому что советская власть уничтожила свободу. И демократы знают, почему они выступают против большевизма. Большевизм подавляет народ, фальсифицирует национальную волю и душит все формы самоуправления. Социалист выступает против советской власти, потому что она эксплуатирует народ и компрометирует социализм, который стал синонимом гигантской тюрьмы. Честные люди, которые не принадлежат ни к какой партии, против большевизма, потому что советская власть развращает людей. У верующих есть все основания быть против советской власти, которая сделала атеизм государственной религией. Но что, кроме личной неприязни, может сделать националиста противником советской власти?

Его недовольство — результат взаимонепонимания. Как только это недоразумение прояснится, нацио-

налисты вернутся в Россию, как это сделали близкие им по духу группы — сменовеховцы и евразийцы.

Если предсказание Федотова и не реализовалось, то главным образом потому, что Сталин не желал возвращения эмигрантов. Но в целом Федотов все правильно понял, возможно, поэтому в новой России его и не вспоминают.

К ним были несправедливы

Меньшевиков было очень мало, у них не было ни денег, ни своей радиостанции, ни секретных каналов проникновения в СССР — только маленький ежемесячный журнал. Но они делали что могли, для того чтобы рассказать Западу об истинном положении вещей в Советском Союзе. Сначала они растолковывали ситуацию западным социал-демократам, Второму Интернационалу, потом уже — широкой публике. В этом смысле они сыграли уникальную роль. Они начали выступать против большевиков не после московских процессов 30-х годов, а задолго до 1917 года. Они спорили не со Сталиным, а с Лениным.

Вот что в 1928 году Абрамович заявил Второму Интернационалу.

Как бы фашизм и большевизм ни различались в своих социальных идеалах и классовом содержании, их методы и средства выдают их кровное родство. Фашизм и большевизм — две главные опасности, угрожающие рабочему классу с противоположных сторон, но одинаково сильно. Социалистический Интернационал обязан сражаться с ними разными способами, но со всей энергией и силой.

Пятьюдесятью годами позднее Абрамовича бы выставили с собрания американских советологов за «грубый и примитивный антисове-

тизм», но история подтвердила правоту худших опасений меньшевиков.

Совершенно несправедливо обвинять их в равнодушии к судьбе крестьянства, как это делают Солженицын и Шафаревич. Как раз наоборот: меньшевики постоянно выступали против коллективизации, понимая, что она ведет к бесконечным страданиям людей, и к разрушению сельского хозяйства России.

Очень легко сравнить поведение в эмиграции меньшевиков, их либеральных союзников с поведением русских, крайне правых. Скажем, Александр Казем-бек, который с большой помпой основал фашистское движение «Молодая Россия», в 50-х годах вернулся в СССР и закончил свои дни скромным служащим Московской патриархии.

Василий Шульгин, один из самых образованных выразителей идей крайне правых, в 1945 году оказался в России не по своей воле. Он был арестован в Югославии. Поэтому не стоит слишком жестко осуждать его последующие заявления. Но фактом остается то, что ни один меньшевик не отрекался от своих взглядов таким позорным образом, как Шульгин, который принял за превозношение достижения советской власти и заявлять, что все его прежние убеждения были ложными.

Кассандра из РСДРП

Среди меньшевиков не было выдающихся мыслителей международного уровня — таких теологов, как Бердяев, таких политических философов, как Струве, таких социологов, как Тимашев, таких историков, как Милуков. Но политический послужной список меньшевиков неизмеримо лучше. Они никогда не заявляли, что западная демократия обанкротилась (как это сделали в

свое время Бердяев и Струве), не славил Муссолини, не предсказывали, что Сталин резко повернет назад (Тимашев), не преклоняли на старости лет колена перед советской властью (подобно Милукову и Бердяеву).

Меньшевики твердо отстаивали свои убеждения там, где многие сбились с пути, потому что их твердые демократические убеждения делали невозможным компромисс ни с большевиками, ни с фашистами. Им помогли также немалый политический опыт и просто здравый смысл. Безнадежно старомодные социал-демократы оказались большими реалистами в своих политических оценках, чем более умные и эрудированные идеологи. Меньшевики, которых именовали «космополитами», оказались и большими патриотами России.

Никто из них не дожид до момента, когда история подтвердила их правоту. Журнал «Социалистический вестник» в 60-е годы прекратил выходить из-за недостатка авторов и читателей.

История не вознаграждает людей, которые как-то преждевременно были правы. В интеллектуальном климате нынешней России меньшевики так же немодны, как и семьдесят, и пятьдесят лет тому назад. Ни Абрамовичу, ни даже Борису Николаевскому в Москве памятник не воздвигнут. А если бы не журнал «Нью лидер», меньшевиков забыли бы и на Западе.

Настало время обойтись с меньшевиками по справедливости и, прежде чем место реальных фактов займут мифы, вернуть меньшевикам их законное место в политической и интеллектуальной истории России.

Политически они были обречены на поражение потому, что в 1917 году в России их идеи не имели будущего. Но они куда точнее, чем остальные, поняли, что большевистский переворот приведет к полной катастрофе. И как предвестники этой катастрофы они были дальновидны и последовательны. Они никогда не шли на компромисс с диктатурой, поэтому западные левые «любили» меньшевиков так же, как троянцы Кассандру. Остается только надеяться, что меньшевиков будут помнить так же долго, как и Кассандру.

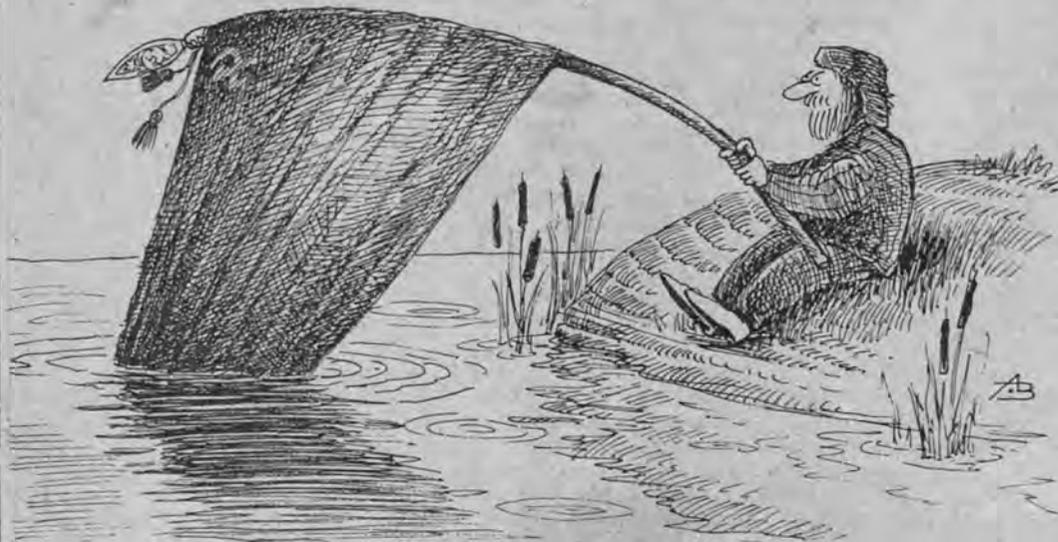

Рисунок Александра Зудина

ЛОНДОН

Рубрику ведет
обозреватель «НВ»
Ростислав Золотарев

Разные авторы появлялись в нашей рубрике. Но все они — от явных консерваторов до неортодоксальных марксистов — так или иначе представляли демократическую часть спектра политической мысли.

Сегодня мы сделаем исключение и отведем место для фрагментов из сочинения одного очень известного ученого, чьи научные представления, политические взгляды и даже некоторые страницы биографии ставят его далеко вне демократической традиции.

Речь идет о Карле Шмитте, немецком юристе, политологе и философе, работы которого, явившись на свет в период кризиса европейской

демократии, в немалой степени повлияли на теоретическое оформление идеологических схем различных правых движений. Но вместе с тем именно Карл Шмитт, бросив вызов сторонникам и теоретикам демократии, дал им немало пищи для размышления, заставив отойти от расхожей риторики и углубить разработку демократической теории.

Кроме того, Карл Шмитт в своих интеллектуальных изысканиях наметил немало новых и интересных подходов к решению проблем государственно-правовой науки — несмотря на недемократические взгляды, он умел быть достаточно беспристрастным в исследовательской области.

Несмотря на то что после прихода нацистов к власти в Германии Шмитт примкнул к сторонникам «нового порядка», этот факт впоследствии

не погубил репутацию ученого, хотя породил вполне определенное к нему отношение. Почти такая же судьба была и у знаменитого философа Мартина Хайдеггера.

Надо напомнить и о том, что и в годы нацизма Шмитт не был абсолютным сторонником режима, не раз подвергался он опале и остракизму — при этом нацисты не забывали, что до их воцарения он требовал запрета их партии (как, впрочем, и компартии).

В кругу его друзей было немало тех, кто участвовал или поддерживал попытку июльского переворота в 1944 году. После войны среди его учеников было немало антифашистов: и немцев, и представителей других народов. Так или иначе славу блестящего знатока юридической науки, человека обширнейших познаний, оригинального мыслителя, писателя и эссеиста он со-

ИЗ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ
XX
ВЕКА

хранил и в послевоенные годы. Сохранил он и свою школу, и постоянный круг оппонентов по чисто научной дискуссии.

Поэтому небезынтересно познакомиться с отрывками из его работы «Понятие политического» (1927 год). Она выдержала несколько изданий, постоянно дополнявшихся автором до 1963 года. Полный текст этой работы Карла Шмитта и обширный очерк о нем готовит к печати новый журнал «Вопросы социологии».

«Наши» и «ваши»

Карл Шмитт (1888–1985)

Ясное определение того, что такое политическое, можно встретить довольно редко. Чаще всего понятие это употребляют лишь в противоположность или в качестве доведка к другим понятиям — например в сочетаниях «политика и экономика», «политика и мораль», «политика и право». В таких противопоставлениях, как правило полемических, кое-что все-таки относительно политики и политического просматривается довольно ясно, но определения специфики предмета здесь, однако, нет. Говоря в общем, понятие «политическое» некоторым образом отождествляется или сопряжено с «государственной» сферой, по крайней мере как-то с государством соотносится. Государство тогда отождествляется с политикой, политическим, а политическое представляется государственным. Такой замкнутый круг в определениях, очевидно, не может нас удовлетворить. (Хотя в юридической литературе... в практическом, если не сказать в техническом, смысле такие описания политических феноменов могут быть понятны при рассмотрении правового или административного разрешения отдельных конкретных случаев. Это относится... к судебной практике рассмотрения деятельности политических организаций и ассоциаций...

Однако тождество «государственное — политическое» становится неверным и ведет к заблуждению, по мере того как государство и общество все более пронизывают друг друга, а все вопросы, которые раньше считались государственными, вдруг делаются вопросами общественными и наоборот — все дела, прежде бывшие просто общественными, становятся государственными. Такое положение с неизбежностью наступает в демократически организованном обществе. Да и области прежде вроде «нейтральные» — религия, культура, образование и, конечно, экономика — перестают быть «нейтральными», то есть негосударственными и неполитическими. Прежней «нейтральности» и отдельному существованию этих сфер противостоит новая «контркатегория» — это тотальное государство, тождество государства и общества.

Оно безразлично ни к какой предметной сфере, оно вторгается во все области жизнедеятельности общества. В таком государстве поэтому все — по крайней мере потенциально все — является политическим, и отсылка к государству уже не в состоянии определить специфический отличительный признак того, что является политическим...

Определить, что такое политическое, можно лишь в том случае, если мы обнаружим и обоснуем специфические политические категории. Ведь сфера политического имеет свои собственные особые критерии. Они и принимаются особым образом — не так, как в других предметных областях человеческого мышления и действия. Они совсем иные, чем те, которые мы встречаем в этике, в эстетике, в экономике. Специфика политического заключена в его собственных крайних оппозициях, к которым сводится и специфика политики, и специфические модели именно политического поведения. Договоримся о таких крайних оппозициях (оппозиция, здесь, — пара противопоставленных категорий. — **Ред.**) — в области морали они известны, это «добро» и «зло», в эстетике «красота» и «уродство»; в экономике «полезность» и «убыточность» (или «рентабельность» и «нерентабельность»).... В чем же состоит такой последний вопрос, различающий главные категории для сферы политического?..

Такой специфической оппозицией, к которой можно свести феномен политического, является различение «друга» и «врага». Эта оппозиция («друг — враг») дает смысл понятия через основные критерии, а не через полное определение или описание содержания... Разумеется, ее не следует прямо отождествлять с подобными оппозициями в других сферах, например «польза — ущерб», «добро — зло» (и т.п.). Смысл различения друга или врага заключается в том, чтобы обозначить высшую степень соединения или разделения... Во все не обязательно, чтобы политический враг в моральном отношении олицетворял зло, не обязательно, чтобы он эстетически был уродлив, он отнюдь не оказывается непременно конкурентом. Но он все-таки иной, чужой, чуждый, так что в

самом крайнем случае с ним возможны серьезные конфликты, которые нельзя разрешить ни предпринятым заранее установлением всеобщих норм, ни вердиктом беспристрастного — поскольку он не участвует в конфликте — нейтрального арбитра...

Таким образом, понятия «друг» и «враг» берутся лишь в их конкретном экзистенциальном смысле. Это не метафоры, не символы, они не подразумевают никаких дополнительных — усиливающих их или ослабляющих — оценочных коннотаций. И, конечно, их не надо рассматривать в психологическом или бытовом смысле как выражение частных или личных чувств и склонностей. «Друг» и «враг» в нашем случае — это противоположности не нормативные, не чисто «духовные». Либерализм в типичном для него противополжности «духа» и «экономики» предпринял попытку растворить понятие врага. В торговой и деловой области он предстал как конкурент, в духовной сфере — как партнер в диалоге и в полемике. Конечно, в сфере экономики нет врагов, а есть только конкуренты; в мире, пронизанном этическими нормами, может быть, остались только дискутирующие оппоненты. В том, что... народы реально разделяются на группы «друзей» и «врагов», усматривают атавистический остаток варварских времен. Но мы не будем принимать это во внимание. Оставим в стороне и то, хорошо ли, правильно ли, скажем, по воспитательным соображениям, предполагать, будто врагов вообще больше нет. Можно разделять эту веру и надежду, эти воспитательные соображения, но то, что народы группируются по оси оппозиции «друг — враг», то, что эта оппозиция и сегодня действительна и дана в качестве реального выбора каждому политическому существующему народу, — вот это разумным образом отрицать никак невозможно.

Итак, «враг» — это не конкурент, не противник в общем смысле этих слов. «Враг» — это и не личный, частный противник, которого ненавидишь просто из неприязни, антипатии. «Враг» — это совокупность людей, готовых вступить в борьбу с противостоящей ей группой других людей. «Враг» — это только публичная категория, это публичный враг, поскольку раз речь идет о совокупностях людей, а тем более о народах, то имеются в виду публичные отношения... Лишь в сфере личного имеет смысл любить «врага своего»...

Политическая противоположность — это противоположность самая интенсивная, самая крайняя, экстремальная. Внутри государства — как организованного и единого политического целого (которое как такое целое принимает для себя решение о «друге» и «враге») — наряду с первичными политическими решениями (о «друге» и «враге») возникают вторичные подобные понятия о политическом. Вначале это происходит на основе отождествления политического и государственного. В результате такого отождествления рождается, например, противопоставление, с одной стороны, «государственно-политической» позиции — позиции «партийно-политической», с другой. Можно говорить о политике в сферах религии, образования, о коммунальной политике, о социальной политике государства. Но и здесь для категории политического определяющую роль играют антагонизмы и противоположности внутри самого государства. (Конечно же, они отражены в существовании самого государства, охватывающего все противоположности политического единства.) Существуют, наконец, более или менее невыразительные и порой извращенные виды «политики». Иногда от «настоящей» политики они отделены моментом отчуждения, характеризуя ее как нечистоплотные сделки и манипуляции...

В обыденной жизни обращают на себя внимание два легко фиксируемых феномена. Во-первых, все политические понятия, представления и слова содержат полемическую нагрузку. Они предполагают конкретную противоположность, привязаны к конкретной обстановке (крайнее следствие которой — находящее выражение в

войне или революции — это все та же оппозиция «друг — враг»). Эти слова и понятия теряют смысл и становятся пустыми абстракциями, если ситуация изменяется. Такие слова, как «государство», «республика», «общество», «класс» и, далее, «суверенитет», «правовое государство», «абсолютизм», «диктатура», «план», «нейтральное государство», «тотальное государство» — все они непонятны, если непонятно, кто конкретно должен быть поражен, побежден, подвергнут остракизму или хотя бы вербально опровергнут с помощью такого-то понятия. Poleмический главным образом характер имеет и само слово «политический». Это происходит и в тех случаях, когда кого-либо клеймят как «аполитичного» (или находящегося «вне политики») или же, наоборот, стремятся «дисквалифицировать» противника как сугубо «политического», с тем чтобы возвыситься над ним в своей чистоте и непорочной «внеполитичности» (тут оппонент в этой непорочной роли может ссылаться на свой «чисто» деловой, «чисто» научный, «чисто» этический, «чисто» правовой — и любой другой, но «неполитический» — интерес).

То, что народы реально группируются по оси «друг — враг», отрицать никак невозможно

Во-вторых, в способе выражения, имеющем место в обычной внутрисударственной полемике, сегодня часто отождествляют чисто «политическое» с «партийно-политическим». Неизбежная необъективность всех политических решений является лишь отражением внутренне присущего всякому политическому поведению различия по оси «друг — враг». Необъективность решений является затем также результатом узости и убогости форм и горизонтов партийной политики — особенно когда речь идет о совсем уж конкретных вещах — о занятии и замещении должностей, о «теплых местечках». Требование деполитизации, вырастающее на этой почве, означает лишь преодоление партийно-политического... Отождествление же «партийно-политического» и «политического» становится возможным лишь тогда, когда размывается идея всеохватывающего, всесвязывающего и возвышающегося над партийными различиями политического единства (т.е. самого «государства»). Внутрисударственные противоположности и партийные расхождения в этом случае становятся более интенсивными, и эта интенсивность начинает превосходить интенсивность противопоставления другим государствам на внешней арене. Если партийно-политические противоположности внутри государства без остатка исчерпывают собой противоположности политические (например, государственные или, вернее, межгосударственные), то тем самым достигается высший порог «внутриполитического» ряда противоречий, а стало быть, внутрисударственное, а не «внешнеполитическое» разделение по модели «друг — враг» имеет решающее значение для того, как будут развиваться события внутри страны и не примут ли они форму даже вооруженного противостояния. Реальная возможность борьбы — а без борьбы просто нельзя вести речь о политике — при такого рода преобладании внутренней политики предполагает, стало быть, в конечном счете не войну между политически организованными единствами народа или народов (государствами или империями), а войну внутри государств и империй, то есть войну гражданскую...

Итак, понятие «врага» предполагает — и вполне реально — возможность борьбы... Понятия «друг», «враг», «борьба» свой подлинный смысл получают благодаря тому, что они как ничто другое подразумевают и сохраняют эту свою особую связь с настоящей возможностью физического уничтожения. Война следует из вражды, ибо эта последняя есть актуальное отрицание иного бытия (чужого бытия). Но война есть только крайняя форма реализации вражды. Ей не нужно быть чем-то повседневным, чем-то нормальным и ее отнюдь не надо воспринимать как нечто идеальное или желательное. Скорее всего, она должна существовать просто как реальная возможность, пока и поскольку существует понятие «враг», пока это понятие имеет некий смысл.

Итак, дело вовсе обстоит не так, будто бы все политическое бытие — это не что иное, как кровавая война, а всякое политическое действие — это действие военное или боевое. Совсем не стоит думать, будто всякий народ непрерывно и постоянно по отношению к любому другому был поставлен перед жесткой альтернативой «друг» или «враг». Более того, политически правильное как раз и могло бы состоять в предотвращении войны. Определение политического, которое мы пытаемся вывести, вовсе не проповедует войну, оно не является ни милитаристским, ни империалистическим, ни пацифистским. Наше определение политического не является попыткой представить в качестве общественного идеала какую-то победоносную войну или удачную революцию, поскольку ни война, ни революция не являются ни чем-то «социальным», ни чем-то «идеальным». Военные действия, рассматриваемые сами по себе, не являются «продолжением политики иными средствами», как, чаще всего неправильно, цитируют обычно Клаузевица. Но война как таковая имеет свои собственные стратегические, тактические и прочие правила и обычаи, которые, однако, опираются на уже заранее заданное политическое решение о том, кто есть «враг». В войне противники обычно противостоят друг другу открыто и как противоборствующие стороны различаются даже униформой — так что различие «друга» и «врага» не представляет для солдат политическую проблему, которую надо ежеминутно решать. Вот почему следует вспомнить справедливые слова одного британского дипломата: «Политик лучше подготовлен для борьбы, чем солдат, ведь политик борется всю жизнь, а солдат только иногда». Война — это вообще не цель и даже не содержание политики, но, скорее — будучи реальной возможностью, — это всегда наличествующая *предпосылка*, которая уникальным образом определяет человеческое мышление и поведение и тем самым порождает определенные *политические действия*. И... критерий различения «друг — враг» отнюдь не означает, что определенный народ вечно должен быть другом или врагом некоторого другого народа или что невозможна нейтральность... Такая политика умирает, как только отпадает реальная возможность борьбы...

Исключительность реального столкновения не отрицает его определяющего характера. Она лишь обосновывает его. И если войны сегодня не только уже столь часты, как в прежние времена, то они все-таки настолько же сохраняют свою ужасающую силу, может быть, даже и прибавили в своей устрашающей мощи. Случай войны и ныне — это «серьезный оборот дела». Можно сказать, что и здесь, как и в других случаях, исключение имеет совершенно особое значение, играет чрезвычайную роль, открывает самую суть вещей. От такой чрезвычайной возможности (возможности убийственной войны. — Ред.) жизнь людей получает свое специфически политическое напряжение.

Мир, в котором была бы полностью устранена и исключена бы возможность такой борьбы, окончательно умиротворенный мир, был бы планетой без различия «друга» и «врага». И вследствие этого — миром без политики. В нем, может быть, осталось бы множество весьма интересных противоположений, противопоставлений, конфликтов и контрастов, в нем были бы разные виды конкуренции, споры и интриги, но не было бы никакой иной противоположности, на основании которой от людей требовалась бы готовность к самопожертвованию, и давалось бы полное право проливать свою и чужую кровь. Феномен политического можно понять лишь через отнесение к реальной возможности разделения на конклавы «друзей» и «врагов» — безотносительно к тому, как будет оцениваться политическое с религиозной, этической, эстетической или экономической точки зре-

ния... И уж если дело доходит до формирования боевых, готовых к ведению настоящей войны сообществ или групп «друзей» и «врагов», то главная разделяющая их противоположность уже не является ни религиозной, ни моральной, ни экономической, она уже целиком проявляется как противоположность *политическая*. А какие человеческие мотивы вызвали противостояние, уже не имеет значения...

Логика развития политического крайне последовательна, и в политике никому не дано уйти от этой последовательной логики. Если бы антагонизм пацифистов и сторонников войны стал столь силен, что смог бы увлечь пацифистов в войну против милитаристов, то есть в некую «войну против войны», то это попросту бы доказало, что такая вражда имеет реальную политическую силу, ибо ведь она настолько сильна, что обладает способностью группировать как «друзей», так и «врагов». Если воля воспрепятствовать войне настолько сильна, что не пасует более перед самой войной, то, таким образом, она стала именно политическим мотивом, в конечном счете

утверждая — пусть хотя бы даже и только как крайнюю возможность — войну... В наступающее время предотвращения войны кажется самым перспективным способом оправдания войны. Война в этом случае представляется как «последняя война человечества». Такие войны — войны особенно жестокие и бесчеловечные.

ибо они... ведутся не на выдворение врага в его пределы, а на полное уничтожение...

Однако, хотя политическое и отличается от других сфер человеческой деятельности, оно черпает свою силу из религиозных, экономических, моральных и других противоположностей. То есть политическое не имеет в общем своей собственной предметной области, а означает только степень интенсивности ассоциации между «друзьями» и диссоциацией между «врагами». Мотивы конфликтов могут быть религиозными, национальными (как в этническом, так и в культурном отношении), экономическими, и в разное время эти конфликты ведут за собой разные объединения и разъединения сил. Реальное разделение на группы «друзей» и «врагов» в действительности столь сильно и имеет столь большое и определяющее значение, что любая неполитическая противоположность в тот самый момент, когда она вызывает такую оппозицию (объединение «друзей» и отмежевание от «врагов»), оказывается в подчинении у этой новой чисто политической противоположности. С точки зрения исходного пункта конфликта («чисто» религиозного, «чисто» экономического и т.п.) самостоятельное политическое измерение часто представляется «иррациональным»... Во всяком случае ассоциация, ориентирующаяся на «серьезный оборот» дела, на войну, является политической всегда. И потому такое объединение всегда *главствующее*, и политическое единство, если оно наличествует, господствует над другими. Оно именно и есть то единство, которое обладает суверенитетом...

Лишь только на нетрезвую голову можно допустить, что безоружный народ имеет только друзей, и только сильно пьяному может прийти в голову, будто врага тронет отсутствие сопротивления. Ведь никто всерьез не поверит, будто, отказавшись от всякого эстетического производства, люди смогут вернуть мир к первозданной красоте, а отказавшись от хозяйственной деятельности, они перейдут к природной жизни, в состояние чистой моральности. Еще в меньшей мере какой-либо народ смог бы, отказавшись от всякого политического решения, добиться «чисто» морального или «чисто» экономического благосостояния человеческого рода. Из-за того, что народ не имеет более силы либо воли удержаться в сфере политического своего существования, *политическое* из мира не уходит. Уходит из него только оказавшийся слабым народ...

**Лишь только на нетрезвую голову
можно допустить, что безоружный
народ имеет только друзей, и только
сильно пьяному может прийти
в голову, будто врага тронет
отсутствие сопротивления**

Тогда как критики востро склоняют имя **Романа Виктюка**, театральные авторитеты признают, что «это уже не звезда и даже не Большая Медведица, это наш Млечный Путь» (Марк Захаров). Виктюк не перестает удивлять своей неиссякаемой энергией. Недавно в Театре имени Моссовета состоялась премьера «Мистерии о нерожденном ребенке, о несбившейся матери и Всевышнем Отце». В начале ноября Театр Романа Виктюка представит пьесу Эдварда Олби по роману Владимира Набокова «Лолита». На подходе «Саломея» Оскара Уайльда, а в перспективе — работа над «Волшебной горой» Томаса Манна.

Начинал он в Театре юного зрителя во Львове, где после окончания ГИТИСа работал актером и режиссером. Потом его узнали в Калинине, Вильнюсе, Киеве. С середины 70-х он был художественным руководителем Театра МГУ, где поставил пьесу Ларисы Петрушевской «Уроки музыки», давшую целое направление в советском театре, известное под названием «новая волна». С этого же времени Виктюк работает в ведущих театрах Москвы. Чуть позже в его стиле стали играть в США, Италии, Финляндии. А в 1991 году создан частный Театр Романа Виктюка.

Его театр — это царство музыки и жестов.

Это красота, изысканность, экзотичность, законченность и совершенство сценического стиля. Слово теряет приоритетное значение, стиль одерживает победу над содержанием, а эстетика над моралью. Театр перестает служить различным формам идеоло-

гии и становится просто театром, в центре которого часто оказывается изнеженное женское начало, даже когда женщин играют мужчины.

В «Лолите» Романа Виктюка основной акцент делается не на пикантные отношения Гумберта и Лолиты, а на

проблеме раздвоения главного героя, как Гумберт Гумберт постигает то, что в нем живет двойник, и как он сам убивает своего двойника. Как и всегда, режиссер показывает, что слово — это формальный признак театра и пьеса — лишь повод для театрального

бытия, для воплощения на сцене любви к линии, пластике, цвету. Актеры у него (в главных ролях Олег Исаев, Сергей Виноградов и Ирина Метлицкая) и на этот раз творят чудеса.

И. Корнеева

Нора из Зазеркалья

Причудливые разноцветные блики заплескались по стенам: свет от ламп под викторианскими абажурами отражался в развешенных картинах. Работы, составившие экспозицию, были написаны в необычной, праздничной манере — живопись по стеклу. Автор — **Нора Мусатова**, художница из Праги.

Она родом из семьи, в которой было много художников: Виктор Борисов-Мусатов, Алексей Мусатов... Ее отец — тоже художник Григорий Мусатов — был вынужден уехать из Самары за границу после убийства в 1919 году всей его семьи.

Самый сложный период в жизни Норы наступил после событий 1968 года, когда для чехов она стала «русской оккупанткой», а для новой власти в Праге — «родственницей бежавшего из СССР». Между тем с успехом проходят ее выставки в США, работы покупают в частные коллекции и галереи Германии, Голландии, Италии, Франции.

Норе удалось не просто создать удивительные «зазеркальные» мотивы, но и возродить давно умершее направление в живописи — «унтерглас-малерай». В этой технике работали иконописцы в Чехии, Венгрии, Сербии и на западе Украины. Но в отличие от древних мастеров, которые подчеркивали своеобразной техникой «святость» своих произведений, художница из Праги работает в «светской» живописи.

Когда-то Мусатова мечтала стать актрисой. Но из-за детей с мечтой пришлось расстаться. Однако тема театра каким-то особенным образом присутствует в ее произведениях. То это в зеленовато-размытой «сезановской» манере написанный старый замок, будто сошедший с театральной декорации, то «Карнавал», работа, на которой узнаются многие персонажи веселых мюзиклов.

В 1979 году Нору Мусатову исключили из союза чехословацких художников. Без права ходатайствовать о возобновлении членства. Она осталась без средств к существованию, без пенсии. Директор художественного фонда порекомендовал Норе тогда найти «более приемлемую работу». Что ж, Мусатова поступила работницей на бумажную фабрику.

Редкие выставки чередуются с запретами на проведение новых и «рекомендациями» местным властям не выставлять работы Норы. Художник в этот период начинает работать над иллюстрированием книг. В ее творческом багаже — «История города Ярополя» Юрия Щербакова, «24 дня в раю» Михаила Зощенко, «Записки на манжетках» Михаила Булгакова, русские былины и сказки.

С. Бабусенко,
соб. корр. «Нового времени»
ЛОНДОН

Терри Сью Лайфорд помимо почетного титула «Мисс Мичиган-92» и права представлять штат на конкурсе «Мисс Америка» получила также звание, хотя и неофициальное, «Мисс Мужество». Оба титула она заслужила по праву.

В апреле прошлого года, в самый разгар конкурса на звание самой красивой девушки округа, 24-летняя Терри Сью неожиданно почувствовала себя плохо, но довела дело до конца и заняла первое место. Однако приговор медиков был ужасен: так называемая «болезнь Ходжкина», другими словами, рак лимфатической системы.

Начиная с 11 лет Терри Сью приняла участие более чем в ста конкурсах красоты, медленно, но верно продвигаясь к осуществлению своей заветной мечты стать самой красивой девушкой Америки и на заработанные деньги завершить учебу в университете, чтобы затем преподавать в школе. И вот такой приговор на полдороге к вершине.

Но отважная девушка решила бороться за свою жизнь и за свою мечту. Она согласилась на курс интен-

сивной химиотерапии и спустя девять месяцев услышала от врачей слова надежды: болезнь отступает, ее можно одолеть. Тогда же она приняла решение попытаться сделать еще один шаг к вершине и, никому не сообщая о своей болезни, приняла участие в конкурсе «Мисс Мичиган».

Хотя ей пришлось выступать в парике — такую цену она заплатила за химиотерапию, — из 29 участниц авторитетное жюри отдало предпочтение именно ей.

Теперь Терри Сью Лайфорд знает вся Америка, ее история взволновала всех, и, кто бы ни победил на конкурсе «Мисс Америка-92», его подлинной победительницей уже стала эта красивая и стойкая девушка из штата Мичиган.

Последний роман 47-летнего писателя и журналиста **Анатолия Исаева** «Покушение на власть», выпущенный за несколько дней до открытия XXV летних Олимпийских игр библиотекой Международной академии самосовершенствования Интеракс-МАКС, вызвал замешательство в спортивных кругах. На обложке — олимпийские кольца, облитые кровью. В романе действует хорошо законспирированная преступная организация, которая, преследуя политические интересы, сотрудничает с олимпийской международной мафией. Героиня романа — знаменитость с мировым именем — одна из жертв этой организации: ее организм смертельно отравлен допингами.

Реальные факты для своего фантастического романа Анатолий Исаев взял из личного опыта работы на вершине спортивно-управленческой пирамиды. Хорошо зная, что такое чиновник в спорте, ав-

тор стремится показать, как он действует. Информация, доступная немногим, получила огласку в форме художественного произведения — только так, считал автор, и можно было высказаться до конца.

Имя Анатолия Исаева известно многим: журналист, преданный спортивной теме, шестнадцать лет работал в «Комсомольской правде», «Труде», «Пионерской правде».

«Покушение на власть» — седьмая его книга.

Н. Дорошева

Журналисты утверждают, что итальянка **Лиана Кантадори**, впервые познавшая радость материнства в 61 год, — самая пожилая мама всех времен и народов.

Двадцать лет Лиана и ее супруг Орландо потратили на то, чтобы объехать все наиболее известные клиники Италии, Швей-

царии, Швеции и других стран, но никто из медицинских светил не гарантировал им продолжения рода Кантадори. Тогда Лиана устроилась медицинской сестрой в родильном отделении клиники

Сассуоло, которой ведал молодой профессор Анджело Каречча. Прошло еще много времени, прежде чем профессора удалось убедить пойти на создание ребенка искусственным путем. Чтобы по-

Родился в лифте

На решетке лифта в госпитале имени Ньютона под Бостоном висит табличка: «Здесь родился **Джек Леммон**». Это случилось именно в лифте 67 лет тому назад, и с тех пор жизнь поднимала этого человека все выше и выше.

Окончив Гарвардский университет, Леммон отдал предпочтение театру и кино. Обладатель многих премий за лучшее исполнение роли, в том числе двух «Оскаров», он стал наиболее почитаемым комедийным актером Голливуда.

В первый раз Джек Леммон поднялся на сцену, когда ему было 8 лет. И ныне, по его словам, делает это с прежним энтузиазмом. И с прежним страхом, что может оказаться не на высоте.

«Я никогда не добивался успеха за счет других, — говорит артист. — Когда я работаю с прекрасными людьми над прекрасной ролью, я парю над землей, я молодею на 20 лет». По признанию Леммона, приступая к новой роли, он старается избегать слишком большого самоанализа, копаясь в себе, полагаясь на интуицию: «Я с трудом вхожу в роль и с трудом выхожу из нее. Моя жена говорит, что никогда не знает, с кем разговаривает — со мной или с актером. К счастью, мне никогда не приходилось играть насильников и психопатов...»

Жена Фелиция — самый строгий и справедливый судья для Леммона. Он считает, что многим обязан именно ей. После 30 лет супружества он влюблен в Фелицию как в первый день знакомства. Вообще Леммон считает, что женщины заслуживают большего, чем они имеют: «Я бы отдал что угодно, чтобы президентом была женщина».

лучить разрешение высших медицинских властей на такую достаточно рискованную операцию, Лиана пришлось пойти на обман и «убавить» себе десяток лет. Дело к тому же осложнилось общим состоянием здоровья будущей мамы, которая страдала гипертонией, респираторными заболеваниями и целым букетом других болезней.

И все же, наперекор законам природы, пожилая женщина успешно преодолела все медицинские и возрастные проблемы и родила сына весом 2980 граммов. Правда, в последний момент не обошлось без срочного вмешательства врачей — понадобилось кесарево сечение.

Несмотря на то что ее мечта осуществилась, Лиана Кантадори заявила, что не оставит работу медсестры в клинике профессора Каречча.

Н. Шмырева

Младая жизнь играет. Где положено

Татьяна
Изинова

Несколько
зарисовок о
тех, кто учится
отличать
хорошее от
плохого

В статье «Кто платит?» я уже писала, что моя судьба сделала неожиданный и прекрасный поворот — за руку привела меня в Новый гуманитарный университет и сказала: «Будешь здесь преподавать». Таким образом, ежедневно, в течение всего прошедшего лета я встречалась с молодыми людьми со всех концов России на вступительных собеседованиях. Отдаю себе отчет в том, что далеко не всей молодой России я посмотрела в глаза. Но — от пяти до десяти человек в день... Коллеги-журналисты меня поймут: это не просто удача, это редкая удача. Исписанные блокноты лежат высокой стопой. И, может быть, у меня даже есть некоторое право рассказать другим, какая она, молодая Россия.

СВЕТА. Девушка состоит из белоснежных зубов, пышных светлых волос, длинных ног, ярких светящихся глаз, прелестной улыбки, застенчивости, жизненной силы. Пришла учиться на экономиста. После школы, которую закончила на четверки и пятёрки, получила специальность менеджера. Работает в главном финансовом учреждении России (я не вправе называть их подлинные имена, адреса и места работы — ведь они говорили со мной «не для печати»).

— В каком отделе, Света?

— Отдел по розыску денег.

— ???

— Да, пришлось создать такой отдел... Нас в нем восемь человек. Все закончили школу менеджеров, все умеем работать на компьютере, вообще много чего умеем, а поставили

нас целый день бумажки перебирать, искать деньги.

— Но кто же теряет деньги? И каким образом?

— Ой, это ужас... Понимаете, их не туда отправляют... Ну, например, надо послать тридцать миллионов в Тулу. У нас такая стена с ячейками. Эту платежку сунули в другую ячейку, например в Иркутск. В Туле кошмар, пенсии нечем платить. Где деньги — неизвестно. Человек из Тулы приезжает: «Девочки, на коленях стою...» Вот мы целый день и перебираем платежки.

— Свет, ты можешь объяснить, почему так получается?

— Почему бумажки-то не туда суют? Ой, ну, это очень просто. У нас, понимаете, работают в основном пожилые женщины. Им уже лет... по сорок... А то и по сорок пять... Они как привыкли работать? Они то чай с тортиком пьют, то кофе с бутербродиком, то кто-то из них салатик из дому принес, все пробуют салатики. Ну а другой рукой финансовые документы обрабатывают. Вот она идет к стене с ячейками, в одной руке у нее чашка с чаем, в другой платежка. Она и сует эту платежку куда попало. Еще и разговаривает на ходу, других с толку сбивает.

— Ты, Свет, считаешь, что «сорок-сорок пять» это очень много, да? Тебе кажется, что это безнадежно старенькие тетеньки?

— Ну... Я же не хочу сказать, что они там страшные или вообще кикиморы... Они так современно одеваются, красятся, романы заводят... (смеется). Но они же работать-то не умеют. У нее попробуй эту чашку с чаем отнять — что

вы! Она ж банковский работник! Опытный! Сама все знает лучше всех! Нет, их не переучишь... Им до пенсии далеко, на пенсию их не отправишь. А платят у нас прилично. Самая маленькая зарплата на первом году работы — десять тысяч.

— А у тебя?

— У нас у всех в отделе двенадцать.

— Что надо делать, потвоему?

— Ой, ну, по-моему, все это цирк. Всех, конечно, надо выгнать. Взять еще несколько человек, современно обученных, молодых. Стенку эту с ячейками вообще ликвидировать. Компьютеры же есть. Ну и больше ничего не терять. Какой «отдел по розыску денег», послушайте?! Это ж не цивилизованная страна, а... Я даже не знаю... Между прочим, выгнать их просто. Сунула тульскую бумажку в иркутскую ячейку — все, достаточно одного раза, гулай...

— Тебе их не жалко?

— Ой, несколько не жалко. Пусть идут мороженым торговать. Понимаете, если всех жалеть... Мы тогда так и не успеем пожить по-человечески...

КРАСИВОЕ СЛОВО
«ФЕМИДА»

— У меня в билете вопрос про итальянское Возрождение... Ну, это «кватроченто», я знаю, но можно я расскажу вам лучше про русское возрождение?

— С удовольствием, слушаю.

— Сейчас Россия возрождается. Этот год — свобода, он изменил нашу страну до неузнаваемости.

— Все?

— Все!

— Интересно, но, согласись, не богато... Откуда ты, Галя, приехала?

Называет большой город на Урале, говорит, что он замечательный. «В магазинах получше уж, чем у вас в Москве, улицы почище, люди побогаче. И повеселее». Город, оказывается,

еще и очень красивый, только... «Только пока не стемнеет. Как стемнеет, в нем очень плохо жить, почти невозможно». Объясняет почему: «У нас несколько заводов, очень крупных, как стемнеет, они думают, что никто не увидит, и выбрасывают из труб в воздух жуткую гадость. Дышать становится нечем. Форточки надо закрывать. Из дому лучше не выходить. К утру разветривает». Углубляется в анализ причин: «Строили же как? Чтоб танков побольше выпускать. А что люди мрут — наплевать». Намечает перспективу: «Будем все перепрофилировать. Пусть выпускают холодильники, машины... А пока пусть кастрюли и сковородки выпускают! ВПК! Их, видите ли, сковородки унижают! Они такие высококвалифицированные! А чего высококвалифицированные-то? Воровали все всю жизнь со своих военных заводов... Через проходные уносили, через забор перебрасывали... Хозяйина-то нет... У наших со-

бак все ошейники из самолетного металла — ворованного, и на заводских станках сделаны».

С собаками Галя отлично знакома. В этом городе, оказывается, очень много собак. У Галиного семейства — два ротвейлера. А собаки в этом городе — не просто для любви и забавы. Работают собаки. Да еще как!

Галин папа создал малое предприятие «Фемида». Мама — бухгалтер, Галя — кассир. А все владельцы собак — работники «Фемиды». Это предприятие охраняет и защищает. Теплицы, садовые участки, фермы, огороды, магазины, склады. Их можно вызывать на ночь, нанять на постоянную службу, на сезон — на сколько вам надо. Отказа никому нет. «Фемида» процветает. Весь город «Фемиду» знает и очень уважает.

— Галь, а почему «Фемида»?

— Красивое слово, а больше не почему.

— Как ты считаешь, мы поговорили с тобой

про российское возрождение?

— Да! Потому что жизнь становится в России нормальная! Хотя вот вы знаете... Кота нашего убили... Я знаю кто... Сначала они его поймали и лапу ему сигаретой прижгли. Потом убили. Это из зависти. Нас ненавидят, а коту нашего убили... Мы ведь богатые. И знаменитые. И мы никого не боимся. Таких всегда ненавидят...

МОЙ УНИВЕРМАГ ЛУЧШЕ

— Расскажи мне про свой город, Папа.

— Река Исеть. Тридцать тысяч жителей. Тонкосуконная фабрика. Завод химического машиностроения. Маслозавод. Автобаза. Транспортное сообщение — автобус. Дороги — асфальт. Земля — чернозем. Самые высокие дома — девятиэтажки. В основном дома частные, одноэтажные. Очень много садов. Красиво. Богато, не то, что у вас в Москве. С продуктами нормально. Тряпок навалом. Цены божеские.

— Реформа-то идет у вас? Или не слышно?

— Почему не слышно? Приватизируемся потихоньку. Мелкие предприятия уже раздали. Переходим к крупным. Ждем ваучеры. Надеемся, землю будут давать.

— Фермеры есть у вас?

— Тысяча двести в нашем районе. Слабо пока.

— А у тебя еще нет собственного дела?

— Почему нет? Магазин. Ларек. У его называю «салон».

— Чем торгуешь?

— Универмаг настоящий. Материным вареньем — и заграничными тряпками. Цыплятками (у меня с фермером договор) — и баночным пивом. Я посмотрел у вас в Москве. Мой лучше универмаг. Богаче. Ну я уж давно торгую — как школу кончил, с июня. Я готовился еще в одиннадцатом классе: напасал товар. С зимы.

«У меня есть, конечно, подруга, но жениться не собираемся, — повествует Сергей. — Пока любовь, ведь мы и так не расстанемся, верно? А придет любовь, что нас удержит? Я должен стать по-настоящему образованным человеком — вот главная задача сейчас. Ведь я издатель и не собираюсь менять профессию. Я сейчас издаю то, на что спрос, это просто, образования не надо, так все ясно. Но я это делаю, чтобы создать капитал, чтобы купить свою типографию, дом для издательства — и издавать самые лучшие книги. Четыре года я у вас проучусь. За это время капитал у меня будет и свое издательство у меня тоже будет. Вы гарантируете мне, что к этому сроку я уже смогу безошибочно отличать хорошее от плохого?»

Рисунок Геннадия Живуцкого

«Сенонимы»

Печатается в порядке реституции культурного наследия

Есть у Ивана Гончарова прелестная серия очерков «Слуги старого века». Один из этих самых слуг, взятый книгочём, питает слабость ко всему мудреному, заковыринутому. Даже ведет тетрадку под названием «Сенонимы» и вписывает в нее незнакомые слова: «тлетворный» и «нерукотворный», «нумизмат» и «кастрат», «конституция» и «проституция». Наблюдая за этим представителем самого читающего народа, автор приходит к выводу: «Простой русский человек не всегда любит понимать, что читает. Простые люди не любят простоты».

Думаете, одни классики такие умные? Фигушки. Отечественные бизнесмены и политики без всяких классиков, своим умом дошли до этой истины и смекнули, что при умелой постановке дела пользы от «сенонимов» целый вагон.

Скажем, приходит «простой русский человек» в коммерческий магазин и видит некий товар, а на нем ценник с надписью: «вакуумный пылесос». Естественно, возникает желание встать по стойке «мирно» и тихо благоговейно: вона до чего техника

дошла! Не какой-нибудь пылесос — вакуумный! По здравом размышлении, других пылесосов в природе вроде бы не встречается, но разве в этом дело? «Сеноним»-то какой роскошный, за одно такое словечко раскошелиться не жаль! Ибо «простые люди не любят простоты».

Видимо, по той же самой причине в один прекрасный день телефоны всех организаций как будто высочайшим указом были объявлены «контактными». Я с трудом представляю себе телефон, который не был бы контактными, — разве что телефон с оторванной трубкой. Нет-нет, дозваниваться по «контактным» не проще, чем по обычным, но ничего не попишешь — «простые люди не любят...»

Великий почин бизнесменов подхватили политики. Выступает, к примеру, деятель оппозиции по телевидению и вдруг этак ненаарком обзывает нынешнее правительство «транзитным». Простой человек, памятуя, что по части изобретения ругательств политики заслужили самое почетное место в Книге рекордов Гиннеса, может подумать, будто в эфире прозвучала новость какая похабная. Ан нет. Прозвучало-то нечто до боли знакомое — ведь называют же оппозиционеры другого

толка правительство «временным оккупационным». Вот и это словечко из той же оперы. Так благодаря красивому «сенониму» оратор избежал упрека: «И ты, Брут, продался не большевикам!» Это вам не «нумизмат-кастрат», это уже риторическая фигура высшего политического пилотажа.

Но особенно радует создание ведомства по «реституции культурного наследия». Хорошее название. Как костюм от Зайцева — и красивое, и практичное. В самом деле, если бы оное ведомство объявило, что занимается восстановлением культурного наследия, то о его деятельности судили бы все кому ни покая. Ведь даже самый что ни на есть простой человек понимает, что такое восстановление. Слово же «реституция» не только придает ведомству загадочный, романтический колорит, но и отбивает всякое желание задавать беспардонные вопросы о его деятельности. Право же, неловко интересоваться: «Ну-с, люди добрые, и что вы в прошлом году реституировали?» Звуковые ассоциации больно гадкие. К слову сказать, судя по названию, профессиональные реституты русский язык к культурному наследию не относят.

Мораль сей басни такова. Кажется, у Ежи Леца был афоризм: «Ввиду плохой погоды революция в Германии произошла в музыке». Не знаю уж, в силу каких климатических условий, но реформы в России успешнее всего происходят в языке.

Виктор Ланчиков

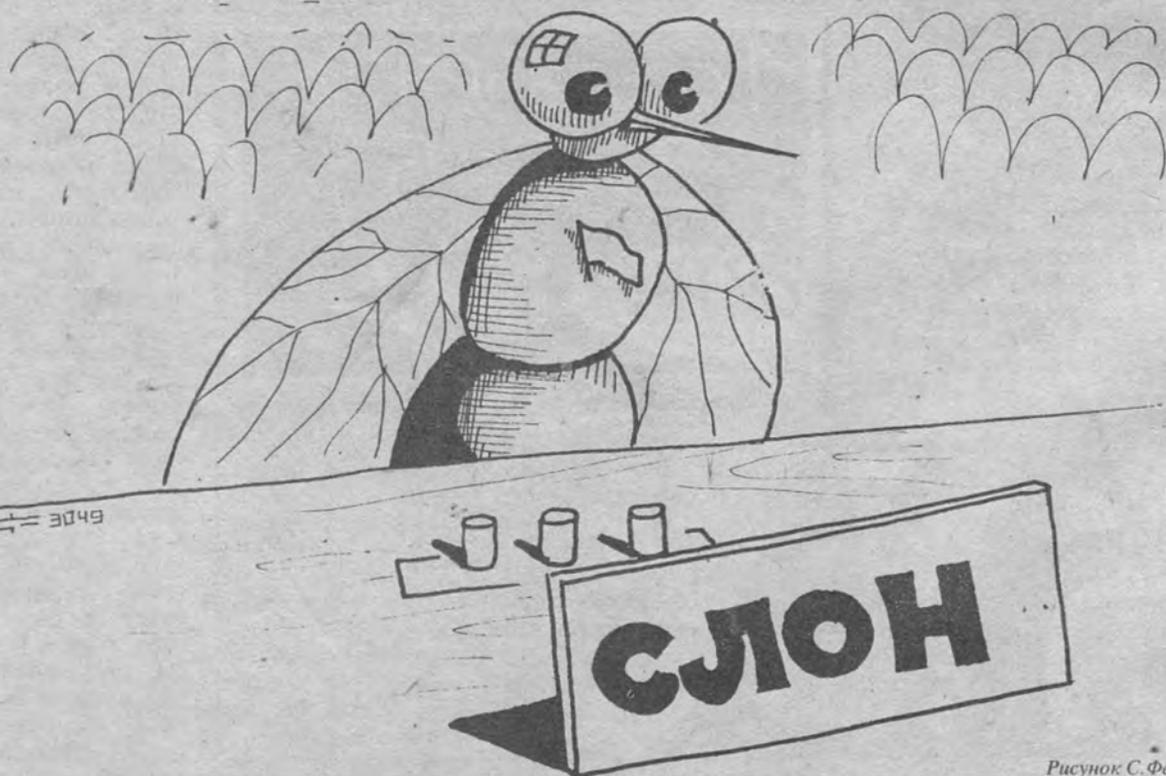

Рисунок С. Федько

РЕСТОРАН «ОРИЕНТ»

поможет Вам приятно провести вечер, деловой обед или завтрак.

Для Вас распахнуты двери нашей гостиной, где Вы можете провести деловые переговоры. Официанты, владеющие тремя иностранными языками, предложат Вам лучшие французские вина и коньяки, итальянские аперитивы, русскую водку и шампанское. 30-летний опыт и искусство наших поваров заслужат похвалу самых изысканных и требовательных гурманов!

Блюда континентальной кухни, восстановленные рецепты старинной русской кухни. Также Вас ждет сюрприз, если Вы любите экзотику, — это настоящая китайская кухня в центре Москвы.

А если Вы хотите что-то особенное, закажите за сутки. Мы приготовим это для Вас!

Если Вам надо провести прием дома или в Вашей фирме, наши повара и официанты помогут Вам. Мы обслуживаем как за рубли, так и за свободно конвертируемую валюту.

Мы ждем Вас в самом центре Москвы с 12 часов дня до 12 часов ночи по адресу:

**Смоленская площадь,
1-й Николощеповский
переулок, дом 1/9.
Телефоны для заказов
и справок:
241-10-78,
244-73-87.**

31

DELOVIE LYUDI

THE MAGAZINE FOR BUSINESS LEADERS

DELOVIE LYUDI (Business in the ex-USSR)

provides valuable and unique information on the CIS market. This enables decision-makers and entrepreneurs to follow the transition to a market economy in the former USSR.

DELOVIE LYUDI also offers foreign business-people an exceptional medium for communicating details concerning their companies, products and services. DELOVIE LYUDI is available in two editions with identical contents: 120,000 copies in Russian and 40,000 copies in English for the international edition.

Written by a Moscow editorial team, well-connected in top economic and social circles, DELOVIE LYUDI is independent, objective and thorough.

Subscription/Advertising:

SCII
4, rue Brunel,
75017-Paris-France
Tel.: (1) 43.80.90.00
Fax: (1) 42.67.75.48

Address
of the editorial office:
117342 Moscow,
Profsoyuznaya Ulitsa, 73
Tel.: (095) 333-33-40
Fax: (095) 330-15-68
Telex: 414741
PREMO SU

THE INDEPENDENT ECONOMIC MONTHLY